

ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ
тексты и исследования

2

Библиотека журнала «СИМВОЛ»

Иоанн де Каулибус
(Псевдо-Бонавентура)

Размышления о жизни Христа

Христианская мысль. Тексты и исследования.
Библиотека журнала «Символ»

Иоанн де Каулибус
(Псевдо-Бонавентура)

Размышления о жизни Христа

«ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ»

XIV век

де Каулибус (Псевдо-Бонавентура) И.

Размышления о жизни Христа / И. де Каулибус (Псевдо-Бонавентура) — «ИНСТИТУТ СВЯТОГО ФОМЫ», XIV век — (Христианская мысль. Тексты и исследования. Библиотека журнала «Символ»)

ISBN 978-5-94242-059-8

«Размышления о жизни Христа» (*Meditaciones vite Christi*), сочинение XIV века, которое во многих рукописях приписывается святому Бонавентуре, вероятно, написано францисканцем Иоанном де Каулибусом. Это первая всеобъемлющая биография Христа, содержащая регулярные и обширные вставки неевангельского повествовательного материала. «Размышления» позволяют читателю проникнуть в новый мир радости и любви, пробуждая в них интерес ко всему скромному, смиренному и прекрасному; они говорят о несказанном таинстве любви, которое открылось в простой, но возвышенной жизни Иисуса и Марии. Критический текст опубликован на латинском языке издательством Brepols в серии «*Corpus Christianorum*» в 1997 году. На русский язык книга переведена впервые.

ISBN 978-5-94242-059-8

© де Каулибус (Псевдо-Бонавентура) И., XIV век
© «ИНСТИТУТ СВЯТОГО
ФОМЫ», XIV век

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Размышление о том, что было до воплощения Господа, и прежде всего о том, как ангелы заботливо за нас вступились	9
Глава II. О прении между Милостью и Истиной	10
Глава III. О жизни Девы Марии до воплощения Сына	12
Глава IV. Размышления о жизни Господа Иисуса, начиная от Его воплощения (Лк 1)	14
Глава V. Как Госпожа наша навестила Елизавету	17
Глава VI. О том, как Госпожа жила со своим обрученным, как они относились друг к другу и о чем беседовали (Мф 1)	19
Глава VII. О рождестве Христовом (Лк 2)	21
Глава VIII. Об обрезании Господа Иисуса Христа (Лк 2)	25
Глава IX. Об эпифании, или о явлении Господа Иисуса (Мф 2)	27
Глава X. О том, как Госпожа оставалась при яслях	30
Глава XI. Об очищении Пресвятой Девы	31
Глава XII. О бегстве Господа в Египет (Мф 2)	33
Глава XIII. О возвращении Господа из Египта	38
Глава XIV. Как отрок Иисус остался в Иерусалиме (Лк 2)	41
Глава XV. Что делал Господь Иисус с двенадцати лет до тридцати	43
Глава XVI. О Крещении Господа Иисуса (Мф 3; Ин 1)	47
Глава XVII. О посте и об искушениях Христа и о возвращении Его к матери (Мф 4; Мк 1; Лк 4; Ин 1)	53
Глава XVIII. О том, как Он открыл книгу в синагоге (Лк 4)	57
Глава XIX. О призвании учеников (Ин 1; Лк 5; Мф 4; Мк 1)	59
Глава XX. О чуде претворения воды в вино, совершенном на брачном пире (Ин 2)	60
Глава XXI. О Нагорной проповеди Господа (Мф 5)	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Иоанн де Каулибус
(Псевдо-Бонавентура)
Размышления о жизни Христа**

© Вгепols, 1997

© Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011

* * *

Предисловие

Начинается предисловие к размышлениям¹ о жизни Господа нашего Иисуса Христа.

В похвальном слове святейшей деве Цецилии в числе прочих ее славных добродетелей упоминается и такая: она всегда носила с собой Христово Евангелие, спрятав его на груди². Это, я думаю, надо понимать так, что она день и ночь размышляла о жизни Господа Иисуса, как о ней рассказано в Евангелии; о тех ее событиях, которые она особенно любила; размышляла сердцем чистым и невинным, с неотступным и горячим вниманием, переживая их и словно бы пробуя на вкус и с наслаждением медленно пережевывая; закончив полный круг, она возвращалась к началу и хранила все свои размышления в тайне своего сердца.

Советую тебе делать так же. Среди занятий духовными упражнениями я считаю именно это самым необходимым, самым главным; оно ведет к преуспеянию и может возвести нас на более высокую ступень. Нигде больше ты не найдешь науки, которая так надежно защитила бы тебя от суетной лести и бранных удовольствий, от огорчений и неприятностей, от вражеских искушений и пороков, как в жизни Господа Иисуса, которая была без изъяна совершенной. Когда ежедневное размышление о Его жизни войдет в привычку, душа приобретает некую доверительную близость и родственную любовь к Нему, так что все прочее начинает ей казаться ничего не стоящим и неинтересным. К тому же душа становится тверда, как крепость, и научается, что делать и чего избегать.

Я утверждаю, во-первых, что всedневное размышление о жизни Господа Иисуса придает уму силу и устойчивость против всего суетного и брэнного. Это видно на примере той же святой Цецилии, которая так наполнила свое сердце жизнью Христовой, что суета не могла войти в него. Поэтому в разгар свадебных торжеств, когда кругом суета, играет музыка, сердце ее не дрогнуло и оставалось свободным для одного Бога, и она говорила: «*Да будет, Господи, сердце мое и тело мое непорочно, чтобы я не посрамилась*» (Пс 118, 80).

Во-вторых, размышление укрепляет нас против скорбей и невзгод. Это видно на примере мучеников. Как говорит святой Бернард: «Выносливость мученика происходит от того, что он со всей любовью погружен в раны Христа и не выходит из постоянного размышления. На этих двух опорах стоит мученик-триумфатор и пляшет от радости, хотя все тело его растерзано и железо рвет ему бока. Где в этот миг душа мученика? – В ранах Иисусовых; они достаточно широко открыты, чтобы в них войти. Если бы душа оставалась в своем теле, она бы, конечно, все слышала, чувствовала бы железо, не перенесла бы боли, сломалась бы и отреклась»³. Это пишет Бернард. Вот почему не только мученики, но и исповедники в мучениях и скорбях своих проявляли такое терпение – и по сей день проявляют. Почитай о блаженном Франциске и о блаженной деве Кларе, твоей матери игуменье, и ты увидишь, как они во всех мучениях, страданиях и скорбях оставались не только терпеливы, но и веселы. Да ты и сама можешь видеть это каждый день в тех, кто ведет святую жизнь. А все потому, что их души пребывают не в их телах, а во Христе благодаря неустанному размышлению о Его жизни.

В-третьих, размышление учит нас жить так, что ни враги, ни пороки не могут нас захватить или обмануть, ибо оно обучает нас совершенству в добродетелях. В самом деле, где еще ты найдешь образцы высокой бедности, исключительного смирения, глубокой мудро-

¹ Здесь и далее мы переводим латинское слово *meditationes* как «размышления» и *meditari* как «размышлять». – Прим. пер.

² Ср. *Legenda aurea*, 169 (ed. Graesse, 1890, p. 771).

³ Bern., Cant., serm. LXI, n. 8 (*Sancti Bernardi opera*, ed. J. Leclercq, C.H. Talbot, H.M. Rochais, 8 vols, Rome, 1957–1977 (далее сокращенно LTR) vol. 2, p. 153).

сти, молитвы, кротости, послушания, терпения и прочих добродетелей, где еще научишься им так, как на примере жизни Господа добродетелей⁴? Бернард говорит об этом кратко: «Напрасно тщится стяжать добродетели тот, кто надеется получить их не от Господа добродетелей, а где-то еще. Его учение – рассадник мудрости; Его милосердие – дело праведности; Его жизнь – зеркало воздержности; Его смерть – образец мужества»⁵. Вот что пишет Бернард.

Итак, кто последует за Ним, тот не заблудится и не ошибется. Но чтобы за Ним следовать, чтобы уподобиться Ему в добродетелях и стяжать их, нужно ежедневное размышление: оно воодушевит и воспламенит сердце. После этого сердце просветится истиной, так что научится отличать правду от лжи и облечется в добродетель. Немало людей неграмотных достигали познания великих и глубоких тайн Божиих. Например, блаженный Франциск: откуда, ты думаешь, он получил такое обилие добродетелей, такое доскональное знание Писаний, такую пронизательность в раскрытии вражеских умыслов, такое видение тайных пороков? Откуда, как не из размышления и ежедневного по-домашнему близкого общения с Господом своим Иисусом? И так пылко он в этом усердствовал, что сам превратился в своего рода изображение Господа. Он старался подражать Ему во всех добродетелях, насколько мог, и в конце концов достиг полноты и совершенства – отпечатков святых стигматов – и преобразился в Иисуса целиком.

Видишь, на какую высокую ступень возводит нас размышление о жизни Христа? А помимо этого оно служит прочной основой для восхождения на более высокие ступени созерцания, ибо в нем находится целительный бальзам, постепенно очищающий и возвышающий душу; там, на более высоких ступенях, оно поможет научиться всему, о чем мы здесь пока говорить не будем.

Сейчас я задумал ввести тебя, насколько получится, в науку размышления о жизни Христа. Конечно, я бы хотел, чтобы тебя учил этому кто-нибудь более опытный и более ученый – я в этих делах наставник негодный. Однако я решил, что лучше рассказать кое-что и кое-как, чем вовсе умолчать; поэтому я попытаюсь превозмочь свою беспомощность. Беседовать с тобой я буду по-домашнему, простым и неукрашенным языком: во-первых, чтобы ты лучше меня понимала, а во-вторых, чтобы ты старалась напитать не уши, а ум. Ибо тебе надлежит заниматься не красноречием, а размышлениями о Господе Иисусе. Как учит нас Иероним: «Простая речь проникает в сердце; изысканная питает слух»⁶. Надеюсь, что мои скромные познания будут соответствовать твоему невежеству. Еще больше надеюсь на то, что, если ты со всем прилежанием решишь упражняться в размышлении, то учителем твоим станет Сам Господь, о Котором мы поведем речь.

Но не думай, что мы с тобой успеем поразмышлять надо всеми без исключения Его словами и делами, о которых известно из Писания. С другой стороны, мы будем размышлять и о том, о чем не написано. Я стану рассказывать о событиях так, как они могли бы произойти – для того, чтобы впечатление было сильнее; я буду представлять тебе некие воображаемые картины, чтобы душа могла воспринимать их разными чувствами; неважно, так ли именно было на самом деле, достаточно, чтобы это не противоречило вероятности.

Ибо размышлять о Священном Писании, излагать его и понимать мы можем многими способами, лишь бы не погрешать против жизни, правды и учения, а также против веры и добрых нравов. Поэтому, когда я буду рассказывать тебе: «Господь Иисус сказал или сделал

⁴ *Domini virtutum*. – Латинское слово *virtus* переводится на русский язык и как «добродетель», и как «сила», соответственно здесь – традиционное именование Христа как «Господа сил». – *Прим. пер.*

⁵ Bern., Cant., serm. XXII, n. 11 (LTR, 1, p. 137). *Prudentia* (мудрость, благоразумие), *iustitia* (праведность, справедливость), *temperantia* (воздержность), *fortitudo* (мужество) – четыре аристотелевских т. наз. кардинальных добродетели. Со времени Августина к ним прибавляются три богословских: вера, надежда, любовь. – *Прим. пер.*

⁶ Cp. *Legenda aurea*, I, 10.

то-то и то-то», а ты обнаружишь, что в Писании этого нет, принимай это так, как того требует благочестивое размышление. То есть принимай так, как если бы я сказал тебе: «Представь себе, что Господь Иисус сказал или сделал то-то и то-то, и поразмышляй над этим». А ты, если хочешь, чтобы размышление принесло тебе плоды, представь себе, что ты сама присутствуешь при тех событиях, о которых ведется рассказ, своими ушами слышишь слова, которые произносит Господь Иисус, своими глазами видишь, что Он делает. При этом оставь все заботы, забудь о делах, сосредоточь ум и со всем душевным чувством тщательно, пристально и с удовольствием вглядывайся в каждую мелочь.

Прошу тебя, любезная дочь, с радостью принять мой труд, за который я взялся во славу Господа Иисуса, для твоего преуспеяния и для моей пользы. И с еще большей радостью, любовью и рвением прошу тебя упражняться в нем.

Начать нам следует с Воплощения, но, я думаю, можно поразмышлять и над тем, что произошло до того: на небесах у Бога и Его блаженнейших ангелов и на земле у преславной Девы. Вот что, по-моему, надо изложить в первую очередь. С этого и начнем.

Глава I. Размышление о том, что было до воплощения Господа, и прежде всего о том, как ангелы заботливо за нас вступились

Долгое-долгое время, более пяти тысяч лет, падший род человеческий пребывал в жалком состоянии. Из-за греха первого человека никто не мог вознестись на родину преблагенного ангельского духа. Соболезнуя столь ужасному падению и заботясь о *восстановлении* (Ис 61, 4) человека, ангелы, может быть, и до того много раз, но *когда пришла полнота времени* (Гал 4, 4) несомненно, собрались все вместе, пали пред престолом Господа на лице свое и взмолились к Нему благоговейно, но настойчиво, и сказали так: «Господи, угодно было Твоему величию создать, по благодати Твоей, еще одну разумную тварь, то есть человека, дабы пребывал он здесь с нами и помог нам восстановить наши потери. Но вот – все люди погибают, и никто не спасается, и по прошествии стольких лет что мы видим? Надо всеми торжествуют наши враги, и пополняются не наши ряды, которым нанесен был урон падением, а пещеры тартара. Для чего же, Господи, они рождаются? Зачем *предаются на растерзание зверям души* (Пс 73, 19), созданные исповедовать Тебя? – Да, по справедливости Твоей так им и надо, но настала пора для милости. И если прародители неосторожно преступили Твою заповедь, пусть заступится Твоё милосердие. Вспомни, что Ты сотворил их по Своему подобию. *Раскрой, Господи, милосердно длань Свою и помилуй их* (Пс 144, 16). *Очи всех взирают на Тебя, словно очи рабов на руки господ их* (Пс 122, 2). Смилуйтесь, помогите, дайте целительное средство, чтобы спастись роду человеческому».

Глава II. О прении между Милостью и Истиной

От этих слов забилась Милость во утробе Отца: надо помочь, – и на стороне Милости была ее сестра – Мир. Но против выступила Истина, и на ее стороне Справедливость⁷. И сделался между ними великий спор, как прекрасно и подробно рассказывает святой Бернард⁸. Я постараюсь как можно короче передать суть его рассказа. Я часто привожу медоточивые речи Бернарда, но по большей части в сокращении, чтобы избежать многословия. Вот и здесь лишь вкратце суть его слов.

Сказала Господу Милость: *«Неужели Ты, Господи, навеки будешь откладывать милосердие, или вовсе забыл о нем?»* (Пс 76, 8–10)⁹ – и еще долго шептала Ему о том же. Отвечал Господь: *«Пусть позовут сестер ваших, вон они против вас ополчились; выслушаем и их»*. Позвали их, и Милость начала говорить так: *«Разумная тварь нуждается в Божьем милосердии, ибо она сделалась несчастна и очень жалка; пришло время пожалеть ее – и вот-вот пройдет»*. И возразила Истина: *«Надо, Господи, держать слово. Ты же сам сказал, что умрет Адам весь, со всеми, кто был в нем, когда он вероломно вкусил яблоко»*. На это сказала Милость: *«Для чего Ты, Господи, меня создал? Ведь Истина сама знает, что если Ты никогда не смилуешься, то я погибла»*. А Истина возразила: *«Если преступник избежит изреченного Тобой приговора, то погибла Твоя Истина, и не пребудет вовеки»*.

И передали это дело для разбирательства Сыну. Перед Ним Истина и Милость повторили то же самое, а Истина еще прибавила: *«Признаю, Господи, что Милость подвижима добрым рвением, но не по справедливости: предателя она жалеет, а сестру нет»*. А Милость возразила: *«Ты-то никого не щадишь, и таким гневом пылаешь против предателя, что готова с ним вместе и родную сестру погубить»*. Но Истина не смутилась и со всей уверенностью заявила: *«Господи, эта тяжба оборачивается против Тебя. Берегись, как бы слово Отца не оказалось пустым и лживым. Тут вмешалась Мир: «Замолчите, сестры. Не к лицу добродетелям подобная перебранка. Ты видишь, Господи, великий спор, и доводы обеих сторон сильны и неотразимы. В этом деле о человеке не видно выхода: нельзя сохраниться обоим сестрам; либо Милость, либо Истина должна погибнуть»*.

Но Царь написал приговор и дал его прочесть Миру, которая ближе всех к Нему стояла. Написано было так: *«Одна говорит:*

“Я погибла, если Адам не умрет”. Другая говорит: *“Я погибла, если Адама не помилюют”*. Да свершится благая смерть и да получат обе, чего требуют».

Все онемели, когда произнесено было слово премудрости; все согласны, что да, пусть Адам умрет и пусть соблюдено будет милосердие. Но спрашивают: как смерть может быть благой, если даже слышать это слово страшно? Царь ответил: *«Смерть грешников ужасна (Пс 33, 22)¹⁰, но смерть святых драгоценна, она – дверь в жизнь. Пусть отыщется тот, кто умрет из любви, не повинный смерти: тогда смерть не сможет удержать невинного, а он проделает в ней отверстие, через которое выйдут освобожденные от смерти»*.

«Сказано правильно. Но где найти такого?» – ответили они.

⁷ По-латыни все четыре слова женского рода, поэтому они представлены здесь как четыре прекрасных сестры. – Прим. пер.

⁸ Bern., de Annuntiatione, serm. 1, n. 9–14 (LTR, 5, p. 22–29).

⁹ Синодальный перевод: *«Неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволять? неужели навсегда престала милость Его, и пресеклось слово Его в род и род? неужели Бог забыл миловать? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?»*

¹⁰ Синодальный перевод: *«Убьет грешника зло, и ненавидящие праведного погибнут»*.

И вот Истина вернулась на землю, а Милость осталась на небе, согласно пророчеству: «*Господи, милость Твоя на небесах, до самых облаков*» (Пс 35, 6)¹¹. Истина обошла кругом весь круг земной, и вот: *нет никого, чистого от скверны, даже новорожденного младенца* (ср. Иов 14, 4). А Милость обшарила небеса и не нашла никого, у кого достало бы любви на такое дело. Ведь мы все рабы, и даже если стараемся сделать все как лучше, вынуждены признать – *рабы негодные*, как сказано у Луки (Лк 17, 10). Ни одного не нашлось среди ангелов, кто имел бы столь великую любовь, чтобы *положить душу свою за негодных рабов* (Ин 15, 13)¹².

В назначенный день возвращаются они в страхе и тревоге. «Нет того, что требовалось, – говорит Мир. – *Нет делающего добро, нет ни одного*» (Пс 13, 3). Но кто дал совет, тот и должен помочь его исполнить. Царь это понимал и сказал: «*Я раскаялся, что создал человека* (Быт 6, 7). Мне и следует совершить покаяние за человека, которого Я создал». И, позвав Гавриила, говорит ему: «*Иди, скажи дочери Сиона: се, Царь твой грядет к тебе* (Зах 9, 9)».

Вот что рассказывает Бернард.

Итак, ты видишь, сколь грозен был и есть грех и как трудно найти средство исцеления от него.

В поисках этого средства сестры-добродетели нашли согласие в лице Сына. Ибо в лице Отца прежде всего видна внушающая страх мощь, так что Мир и Милость могли испугаться и усомниться в Его к ним благосклонности. А в лице Духа видна одна благодетельная доброта, так что Справедливость и Истина могли усомниться, что Он им поможет. В лице же Сына они нашли как бы среднее и согласно обратились к нему за помощью в создании лекарства от греха. Только понимать ты должна это не буквально, а описательно.

Тогда-то и исполнилось пророчество: «*Милость и истина встретятся, правда и мир облобызуются*» (Пс 84, 11). Вот о чем мы можем размышлять, думая о том, что могло произойти на небесах.

¹¹ Синодальный перевод: «*Господи! милость Твоя до небес, истина Твоя до облаков!*» – Здесь и далее мы изменяем синодальный перевод, следуя латинскому переводу Писания, там, где это нужно по контексту. – Прим. пер.

¹² Синодальный перевод: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*».

Глава III. О жизни Девы Марии до воплощения Сына

Что касается Девы, от которой совершилось воплощение, то мы можем размышлять о ее жизни так¹³. Когда ей минуло три года, родители отдали ее в храм, и там она оставалась до четырнадцати лет. А что она там делала, об этом мы можем узнать из того, что она поведала своей близкой подруге; вероятно, ею была святая Елизавета, чей праздник мы торжественно отмечаем.

«Когда, – рассказывала Мария, – отец мой и мать моя оставили меня в храме, я постановила в сердце моем считать отцом Бога. И стала я неотступно с благоговением размышлять, что бы такого могла я сделать Богу угодного, дабы Он удостоил меня дара Своей благодати, и решила я обучиться закону Бога моего. Но из всех заповедей божественного закона три заповеди особенно хранила я в сердце моем: «Возлюби Господа Бога всем сердцем твоим, и всею душою твою, и всем разумением твоим, и всею крепостию твою». И другую: «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Лк 10, 27). И еще одну: «Возненавидь врага твоего» (Мф 5, 43). Эти заповеди, – продолжала Мария, – хранила я в душе моей, и разом постигла все добродетели, которые ими содержатся. И тебе я хочу помочь так же сделать.

Душа не может обладать никакой добродетелью, если не любит Бога всем сердцем. От этой любви нисходит на душу полнота всяческой благодати, а без нее ни одна добродетель в душу не сойдет. А если не возненавидит душа своих врагов, то есть грехи и пороки, то ни одна добродетель в ней не удержится, но будет утекать, как вода. Поэтому, кто хочет получить свою благодать и владеть ею, тот должен настроить душу свою на любовь и ненависть.

Я хочу, чтобы ты поступила, как я. А я делала вот что: каждую ночь я поднималась в полночь, вставала перед алтарем храма и со всей пламенностью желания, со всей волей, со всей страстью, на какую была способна, умоляла всемогущего Бога даровать мне благодать исполнить эти три заповеди и все прочие повеления закона. И стоя так перед алтарем, я обращалась ко Господу с семью просьбами. Вот они:

Во-первых, я просила благодати, чтобы я могла исполнить заповедь любви, то есть любить Его самого от всего сердца.

Во-вторых, я просила благодати, чтобы я могла любить ближнего по воле Его и как Ему благоугодно, и чтобы Он дал мне любить все то, что Он сам любит.

В-третьих, я просила, чтобы Он дал мне ненавидеть и избегать все, что Он сам ненавидит.

В-четвертых, я просила смирения, терпения, доброты, кротости и всех добродетелей, через которые я могла бы *стать угодна очам Его* (1 Макк 11, 24).

В-пятых, я просила, чтобы Он дал мне узреть то время, когда родится блаженнейшая Дева, которой суждено родить Богу сына; чтобы сохранил глаза мои, и я смогла бы своими глазами ее увидеть; чтобы сохранил язык мой, да восхваляю ее; руки мои – да послужу ей; ноги мои – да пойду к ней в рабыни; колени – да совершу поклонение Сыну Божию во чреве ее.

В-шестых, я просила благодати для послушания заповедям и приказаниям Священника храма.

В-седьмых, я просила Его сохранить храм и весь народ Его для служения Себе».

Выслушав ее, сказала служанка Христова: «О сладчайшая Госпожа, разве Вы и без того не были полны благодати и добродетелей?»

¹³ См. Damasc., De fi de orthod., lib. IV, c. 15 (PL 13); Niceph., Eccles. Hist., lib. I, c. 7 PG 100).

Отвечала Блаженная Дева: «Будь уверена, я считала себя настолько же виновной, негодной и недостойной Божьей благодати, как и ты. Поэтому-то я так просила благодати и добродетелей. Повторяю, дочь моя: ты думаешь, будто всю благодать, какой я наделена, я получила без труда; но это не так. Нет, говорю тебе: никакой благодати, никакого дара, никакой добродетели не получила я от Бога без великого труда, непрестанной молитвы, пламенного желания, глубокой преданности, многих слез, многих терзаний, стараясь делать, говорить и мыслить лишь угодное Ему, в меру моих сил и познаний; единственное исключение – благодать освящения, которую я была освящена во чреве матери». И добавила: «Твердо запомни: благодать нисходит в душу не иначе, как через молитву и телесные скорби. Лишь после того, как мы отдадим Богу все, что можем дать сами, пусть это будет немного, она нисходит в душу, неся с собой те высочайшие дары, которых душе самой в себе недостает. Тогда душа утрачивает память и не помнит, что сделала или сказала что-то угодное Богу; тогда она видит себя более негодной и презренной, чем когда-либо».

Вот что Дева поведала подруге.

А блаженный Иероним пишет о житии Марии: «Пресвятая Дева поставила себе за правило с утра до третьего часа¹⁴ стоять на молитве; с третьего часа до девятого заниматься внешними делами; с девятого вновь предаваться молитве до тех пор, пока не явится ангел, из рук которого она обычно принимала еду. Так она все лучше преуспевала в Божьем деле и в любви. И сделалась она в бдениях первой, в понимании закона Божия ученейшей, в смирении смиреннейшей, в песнопениях Давидовых изящнейшей, в делах любви самой прославленной, в чистоте чистейшей, во всякой добродетели совершеннейшей. В достигнутом была она постоянна и неизменна, и с каждым днем преуспевала все больше; никто не видал и не слышал ее в гневе. Все речи ее были исполнены благодати, словно сам Бог говорил ее устами. Все время пребывала она в молитве и в изучении закона Божия. И была озабочена о товарищах своих, чтобы ни одна из них не согрешила словом, не возвысила голос смехом, не обижала других и не выказывала высокомерия к равным себе. Беспреданно благословляла она Бога; и чтобы случайно, приветствуя кого-нибудь, не отвлечься от хвалы Богу, когда кто-то с ней здоровался, отвечала вместо «Здравствуй»: «Благодарение Богу». От нее первой и пошел этот обычай: когда святые люди здороваются друг с другом, они по сей день говорят: «Благодарение Богу». Питалась она едой, которую получала из рук ангела; а ту, что получала от священников храма, раздавала бедным. Говорят, ангел беседовал с ней каждый день и слушался ее, словно возлюбленную сестру или мать». Вот что пишет Иероним¹⁵.

На четырнадцатом году была блаженная Дева Мария просватана за Иосифа по Божьему откровению и вернулась в Назарет. Как это все происходило, ты можешь прочесть в повести о рождестве Христовом.

Вот о каких событиях до воплощения Господа Иисуса мы можем размышлять.

Ты сама прекрасно умеешь медитировать и, несомненно, получишь много радости, вновь и вновь со всей пылкостью вспоминая житие Святой Девы и дополняя благоговейные размышления добрыми делами.

Теперь перейдем к воплощению.

¹⁴ В Риме время суток обозначалось так: день – от рассвета до заката, с 6 утра до 6 вечера, делился на 12 часов; ночь, от заката до рассвета, с 6 вечера до 6 утра, делилась на 4 стражи (раз в 3 часа город обходила ночная стража, громко стуча колотушкой). Таким образом, «с утра до третьего часа» – с 6 до 9 утра, «с третьего часа до девятого» – с 9 утра до 3 пополудни. – *Прим. пер.*

¹⁵ Charles Michel. *Evangelies apocryphes*. Paris, 1911, I, p. 74 ss.

Глава IV. Размышления о жизни Господа Иисуса, начиная от Его воплощения (Лк 1)

Когда пришла полнота времени (Гал 4, 4), то есть когда всевышняя Троица решила, как исправить судьбу человеческого рода через воплощение Слова, *по Своей великой любви* (Еф 2, 4), которою возлюбила род человеческий, движимая Своим милосердием, а также настойчиво побуждаемая вышними духами; и когда блаженная Дева Мария возвратилась в Назарет, призвал всемогущий Бог Гавриила Архангела и сказал: «Иди к возлюбленной дочери Нашей Марии, обрученной Иосифу, которая Нам дороже всякой твари; и скажи ей, что Сын Мой полюбил лицо ее и избрал ее Себе в матери. И спроси ее, примет ли она Его с радостью. Потому что Я решил через нее спасти весь род человеческий и хочу забыть нанесенную Мне обиду».

Здесь остановись и будь повнимательнее; припомни, что я говорил тебе с самого начала: ты должна учиться представлять себе все, что говорится и делается, так, словно ты сама при этом присутствуешь. Например, вот здесь вообрази себе Бога, постарайся увидеть Его, насколько сможешь, хоть Он и бестелесен. Представь Его себе великим государем, сидящим на высоком престоле, с лицом добрым, благочестивым и отеческим, и говорит Он так, словно хочет простить детей и помириться, или только что помирился; а рядом представь Гавриила: лицо у него приятное и веселое, он стоит на коленях, почтительно склонив голову, внимательно и благоговейно принимая поручение Господа своего.

Итак, Гавриил в радостном ликовании поднялся с колен, слетел с небес и в тот же миг в человеческом облике предстал перед Девой Марией, которая сидела в горнице своего домика. Но хоть он слетел мгновенно, однако же не так быстро, чтобы обогнать Святую Троицу: он застал Ее уже там, Она опередила Своего гонца.

А надо тебе знать, что в вышних воплощение было делом всей Троицы, хотя воплощалась одна только ипостась Сына. Как, например, если кто надевает тунику, а двое стоят по бокам и ему помогают, держат рукава. Ну так вот, здесь тоже постарайся хорошенько представить себе все, что происходит и говорится, увидеть все так, словно ты сама при этом присутствуешь.

О, что это был за маленький домишко – и сейчас есть в твоём воображении, – где пребывали столь Великие и столь великие дела вершились! Конечно, святая Троица повсюду, но там она в тот миг пребывала совершенно особенным образом ради небывалого дела – вот она сейчас здесь в комнате, в твоём размышлении.

Итак, входит Гавриил, верный дружка невесты, к Деве Марии и говорит: *«Радуйся, благодатная, Господь с тобою, благословенна ты в женах»* (Лк 1, 28). Она смутилась и не отвечает. Не оттого смутилась, что в чем-то виновата; и не от вида ангела, потому что она часто видела ангела и привыкла; но, по слову Евангелия, она смущена была его речью: она никогда не слышала подобного приветствия и задумалась, что оно означает; она еще не привыкла, чтобы ее так приветствовали. В этом приветствии она услышала три лестных о себе отзыва, и, конечно, смиренная Госпожа не могла не смутиться. Ее хвалили за то, что полна благодати; за то, что с нею Господь; и ей говорили, что она благословенна превыше всех жен; но смиренный человек не может слышать похвалы себе не краснея и без смущения. Вот и она была смущена по причине своей достойной и добродетельной богобоязненности. Более того, она начала бояться, что это неправда; не оттого, чтобы она сомневалась в правдивости ангела, но от того, что свойственно всем смиренным людям: они не обращают особого внимания на свои добродетели, а свои недостатки, напротив, выявляют самым дотошным

образом. Потому-то они и способны непрерывно преуспевать: великую добродетель в себе они почитают малой, а малый недостаток – огромным.

Итак, как девушка благоразумная и осторожная, робкая и стыдливая, она ничего не ответила. Да и что бы она могла ответить?

Учись и ты на ее примере хранить молчание и любить безмолвие, ибо сия добродетель велика и весьма полезна. Сама она имела привычку дважды выслушать, прежде чем раз ответить. А болтливая девица – это отвратительно.

Тем временем ангел, догадавшись о причине ее замешательства, сказал: «Не бойся, Мария, и не стесняйся похвал, которые я тебе высказал, ибо это так и есть: ты не только сама полна благодати, но и всему роду человеческому помогла вернуть утраченную Божью благодать. Ибо *вот, ты примешь во чреве и родишь Сына* Высочайшему (Лк 1, 31). Он избрал тебя Себе в матери, и Он спасет всех на Него уповающих».

Тогда она ответила ему, но не принимая высказанные ей похвалы и не отвергая их; она хотела убедиться в другом, ее волновало, каким образом это свершится и не потеряет ли она при этом свою девственность. Поэтому она спросила у ангела, каким образом произойдет это зачатие, и сказала: «*Как это произойдет?*» (Лк 1, 34). Ведь я твердо обещала мою девственность Господу моему, чтобы мне вовеки не знать мужа».

А ангел сказал: «Это сделает Дух Святой, который наполнит тебя особым образом. Его силой ты зачнешь, и девство твоё сохранится в целости, и потому Сын твой *наречется Сыном Божиим* (Лк 1, 35). Ибо *для Бога нет ничего невозможного. Вот Елизавета, родственница твоя* – хоть она и старуха, и всегда была бесплодна – *вот уже шесть месяцев, как понесла сына силой Божией*» (Лк 1, 37, 36)¹⁶.

Здесь ты обрати внимание на Бога, присмотришься к Нему. Размышляй о том, как вся Троица в горнице ждет ответа от этой Своей единственной дочери, с любовью и радостью наблюдая ее скромность, ее нрав и ее речи. Затем посмотри, как ангел ее уговаривает – старательно и мудро, как он строит свою речь, как стоит, почтительно склонившись перед своей Госпожой, с лицом мирным и ясным, верно исполняя свое посольство и внимательно следя за словами Госпожи, чтобы отвечать ей сообразно и исполнить Господню волю об этом чудном деле. Наконец, посмотри, как стоит Госпожа: робко и смиренно, с краской стыда на лице; как отвечает на приветствие ангела, не превозносясь и не самоутверждаясь. Слыша себе величания, какие никогда и никому не говорились, она все приписывала Божьей благодати. Так учись же на ее примере быть стыдливой и смиренной, ибо без этого девство мало чего стоит.

Радуется мудрейшая Дева и соглашается с услышанными словами ангела. И, как сказано в повествовании о ней, в знак глубокой преданности преклонила она колени и, соединив руки, сказала: «*Вот я, раба Господа, да сделается мне по слову твоему*» (Лк 1, 38). Тогда Сын Божий тотчас, весь и без промедления вошел в чрево Девы, и принял от нее плоть, и при том весь остался в лоне Отца. Ты можешь благочестиво вообразить, как сам Сын, словно исполняя послушание и трудное посольство, поклонился Отцу и поручил Себя Ему, и в тот же миг была сотворена душа и влита в тело: совершенный человек по всем чертам тела, только очень-очень маленький, – с тем, чтобы потом естественно расти во чреве, как все прочие люди. Только вливание души в плоть и формирование отдельных членов тела не было постепенным, как у прочих. Он сразу был совершенный Бог и совершенный человек, такой же мудрый и могучий, как есть всегда.

Гавриил же в этот миг преклонил колена рядом со своей Госпожой, а немного погодя поднялся вместе с ней, вновь поклонился до земли и, попросившись, исчез. Вернувшись на родину, он все рассказал, и была там новая радость, и новый праздник, и величайшее ликование.

¹⁶ Синодальный перевод: «Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Вот и Елизавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц».

вание. А Госпожа, вся охвачена пламенем, более обычного пылая любовью к Богу, чувствовала, что понесла, и на коленях благодарила за столь великий дар. Смиренно и преданно она молила Бога, да удостоит ее наставления, чтобы она могла исполнить без упущений все, что требуется для ее Сына.

Сообрази же, какое великое сегодня торжество. Сегодня ты должна ликовать; пусть это будет день радости и веселья. Ибо свершилось неслыханное от века, никогда еще не бывалое.

Сегодня праздник Бога Отца: он справляет свадьбу Своего Сына, обручает Его человеческой природе; с нею Сын сегодня соединился неразлучно.

Сегодня праздник и у Сына: и свадебное торжество, и день рождения Его во чреве; день рождения из чрева будет после.

Сегодня праздник у Святого Духа: Ему принадлежит чудесное и единственное в своем роде дело воплощения; сегодня Он начал выказывать особую благосклонность человеческому роду.

Сегодня славный праздник нашей Госпожи: Отец взял ее в дочери, Сын в матери, Святой Дух в жены.

Сегодня праздник всей небесной курии: началось ее вос становление.

Но самый большой праздник сегодня у природы человеческой: началось ее спасение и искупление, и со всем миром примирение, сегодня ее возвысили и обожили. Сегодня Сын принял от Отца новое послушание – дело нашего спасения. Сегодня, сходя с высоты небес, Он *«возрадовался, как исполин, пробежать поприще»* (Пс 18, 6) и заключил Себя в саду девичьего чрева. Сегодня Он сделался одним из нас, братом нашим, и начал вместе с нами скитаться по чужбине. Сегодня сошел с небес Свет истины, чтобы разогнать и уничтожить нашу тьму. Сегодня живой хлеб, дающий жизнь миру, выпекается в печи девичьего чрева. Сегодня *Слово стало плотью, чтобы обитать среди нас* (Ин 1, 14). Сегодня услышаны вопли патриархов и пророков, и мольбы их исполнены. Они вопили в невыразимой тоске: *«Ниспошли агнца, Господи»* (Ис 16, 1); и: *«Кропите, небеса, свыше»* (Ис 45, 8); и: *«О, если бы Ты расторг небеса и сошел!»* (Ис 64, 1); и: *«Господи! Приклони небеса твои, и сойди»* (Пс 143, 5); и: *«Боже! Восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся!»* (Пс 79, 4). И таких молений много, ими полно все Писание. Как ждали сегодняшнего дня, с какой силой призывали его!

Сегодня положено основание всем праздникам, сегодня начало всякого нашего блага. До сего дня негодовал Господь против рода человеческого за преступление прародителей; отныне, видя, как Сын сделался человеком, Бог не будет более гневаться. Сегодня *пришла полнота времени* (Гал 4, 4). Ты видишь дело дивное; оно совершилось как величайшее торжество: все радуется, все приятно, все желанно. Этот дар надо принять с благодарной радостью. Этот праздник надо провести в веселье, пляске, ликовании. Какой день более достоин благоговейного преклонения? Об этих событиях надо размышлять, им надо радоваться – и будет тебе сладостно, и, может быть, Господь покажет тебе больше.

Глава V. Как Госпожа наша навестила Елизавету

После этого Госпожа, раздумывая над тем, что сказал ангел о ее родственнице Елизавете, решила навестить ее, чтобы поздравить и, если надо, послужить ей. И вот она отправилась вместе со своим женихом Иосифом из Назарета к дому Елизаветы, который отстоял от Иерусалима на четырнадцать или пятнадцать миль¹⁷, или около того. Путь был трудный и долгий, но это ее не остановило; и шла она быстро, так как не хотела долго показываться на публике. Зачатие Сына не тяготило ее, как это бывает у других женщин. Господь Иисус не обременял мать.

Здесь посмотри: вот шагает Царица небес и земли, одна со своим женихом; не верхом, а пешком. Не сопровождает ее ни вооруженная охрана, ни многочисленная толпа баронов, ни свита камеристок и служанок. С ней идут лишь бедность, смирение, богобоязненность – почетная свита из всех добродетелей. И с нею Господь, а у Него своя славная свита, но не мирская, суетная и пышная.

Вошедши в дом, она приветствовала Елизавету и сказала: «Здравствуй, сестра моя Елизавета». А та обрадовалась и возвеселилась и, возгоревшись Духом Святым, встает и обнимает ее с великой нежностью и громким от радости голосом говорит: *«Благословенна ты между женами и благословен плод чрева твоего. И откуда это мне, что пришла мать Господа моего ко мне?»* (Лк 1, 39 и далее).

Дело в том, что, когда Дева поздоровалась с Елизаветой, Иоанн в ее чреве исполнился Духа Святого, а с ним исполнилась и его мать. Именно так: не мать исполняется Духа прежде сына, а сын, исполнившись, наполняет Духом мать. Не то чтобы он что-то сделал с душой матери, нет, но благодаря Святому Духу он ускорил нечто в ней происходящее, потому что в нем благодать Святого Духа сияла изобильнее, и он первым ощутил приближение Господа. Она увидела Марию, а он ощутил приход Господа. От этого он радостно *взыграл* во чреве ее, и она сказала пророческие слова.

Обрати внимание, какая сила в словах Госпожи: когда она их произносит, их сопровождает Святой Дух. Столь изобильно она сама была полна им, что ее заслугами Святой Дух наполнял и других.

И отвечала Мария Елизавете, говоря: *«Величит душа моя Господа»* (Лк 1, 46) и т. д. – именно тут она исполнила все песнопение хвалы и радости.

Затем они решили сесть. Смирнейшая Госпожа выбрала более низкое место у ног Елизаветы; но та возмутилась, не желая терпеть подобную несообразность, подняла Марию, и они уселись рядом. Госпожа спросила Елизавету, каким образом она зачала, а та спросила ее о том же. И они весело рассказывают друг другу, и хвалят Бога за оба зачатия, и благодарят Его непрерывно, и так проводят дни радости.

И оставалась там Госпожа около трех месяцев, и служила Елизавете и помогала во всем, в чем могла, смиренно, почтительно и преданно, словно позабыв, что она Божья мать и целого мира царица.

О, что за дом, что за комната, что за постель, на которой рядом лежат и отдыхают такие матери, беременные такими сыновьями: Мария и Елизавета, Иисус и Иоанн! Там же и великие старцы: Захария и Иосиф.

Когда пришло ее время, Елизавета родила сына. Госпожа подняла его и тщательно обиходила, чтобы все было, как надо¹⁸. А малютка поглядывал на нее так, словно все понимает,

¹⁷ Римская миля – *mille passuum* – букв. «тысяча шагов», равняется 1478 метрам. – *Прим. пер.*

¹⁸ Petr. Com. Historia scholastica, 3 (PL 198, 1538).

и когда она хотела протянуть его матери, поворачивал к ней головку и ей одной улыбался, и она сама весело улыбалась ему и нежно его целовала.

Обрати внимание на величие Иоанна. Ни у кого никог да не было такой повитухи. Много и других великих при вилегий обнаружатся у него, но сейчас я не буду на них останавливаться.

На восьмой день младенца обрезали и назвали Иоанном. Тогда *отверзлись уста* Захарии (Лк 1, 64), и он изрек пророчество, говоря: «*Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой*» и т. д. (Лк 1, 68).

Так были созданы в том доме два прекраснейших песнопения – *Magnificat* и *Benedictus*.

Госпожа же, встав за какой-то занавеской, чтобы не видели ее люди, собравшиеся на обрезание Иоанна, внимательно слушала эту песнь, в которой упоминалось и о ее Сыне, и мудро сохранила каждое слово в сердце своем. Затем, попрощавшись с Елизаветой и Захарией и благословив Иоанна, она вернулась в свой дом в Назарете.

Вообрази себе ее бедность на этом обратном пути. Возвращается она в дом, в котором, как она знает, нет ни хлеба, ни вина, ни прочего необходимого для жизни. Нет у нее ни собственности, ни денег. Три последние месяца она прожила у очень богатой родни, а теперь возвращается к своей бедности и на жизнь ей придется зарабатывать своими руками. Поставь себя на ее место, посочувствуй ей и постарайся загореться любовью к бедности.

Глава VI. О том, как Госпожа жила со своим обрученным, как они относились друг к другу и о чем беседовали (Мф 1)

Когда Госпожа и обручник ее Иосиф стали жить вместе, Иисус рос во чреве матери, и Иосиф заметил, что она беременна, и скорбел без меры.

Здесь будь внимательна, потому что можешь научиться многому прекрасному. Если тебе непонятно, для чего Господь пожелал, чтобы мать Его была замужем, хотя Сам хотел, чтобы она была девой, то вот тебе ответ: по трем причинам. Во-первых, чтобы ее, беременную, не позорили; во-вторых, чтобы она могла наслаждаться обществом мужа и было кому ей помочь; в-третьих, чтобы рождение Сына Божия осталось сокрытым от дьявола¹⁹.

Итак, посмотрел Иосиф на жену свою раз, и другой, и много раз, и смущался, и огорчался, и обращал к ней лицо недоуменное, и сразу отводил от нее глаза, словно от дурной женщины, ибо подозревал, что она зачала от прелюбодеяния.

Ты видишь: Господь попускает своим мучиться, терзаться и искушаться, дабы им стяжать венец.

Иосиф же думал тайно отпустить ее.

То, что сказано об этом в Евангелии, можно назвать истинной похвалой ему. Там сказано, что он был *муж праведный* (Мф 1, 19), то есть великой добродетели был человек. Все говорят, что прелюбодеяние жены для мужа – самая страшная вещь, повергающая всякого в скорбь и ярость. Однако Иосиф укротил сам себя, руководствуясь добродетелью. Он не пожелал обвинить жену и терпеливо снес великую обиду; не стал мстить за себя, но позволил победить себя благочестием; он желал верить и решил отпустить ее тайно.

Но и Госпожа переживала и мучилась. Приглядываясь к мужу, она видела его смятение и смущалась сама. Однако смиренно молчала и хранила дар Божий в тайне. Она предпочитала прослыть дешевой потаскухой, нежели выставить Божье таинство на всеобщее обсуждение; пусть о ней говорят что угодно. Она лишь просила Господа, чтобы Он соизволил Сам вмешаться и как-нибудь прекратил эти терзания мужа и ее.

Видишь, как оба они тревожились и мучились; но Божий промысел позаботился о них. Послал Господь ангела Своего сказать Иосифу во сне, что жена его зачала от Духа Святого (Мф 1, 20), что она ему верна и чтобы он остался с ней и радовался.

Прекратилось терзание, настало великое утешение. Так бывало бы и с нами всегда, если бы мы умели терпеливо сносить мучения: после бурь Бог посылает ясные дни. И не сомневайся, что Бог позволяет своим мучиться лишь для их пользы.

Спросил Иосиф жену об этом чудесном зачатии, и она все ему подробно рассказала. И Иосиф, радуясь, остался жить со своей благословенной женой. Любит он ее чистой любовью больше, чем можно выразить словами, и преданно о ней заботится, и Госпожа чувствует себя за ним надежно и спокойно, и живут они в своей бедности радостно.

А Господь Иисус остается заключен во чреве девять месяцев, как все прочие. Добродушно и терпеливо переносит Он свое заточение и ждет положенного срока.

Посочувствуй Ему: в какую глубину Он сошел, до какого смирения Себя принизил. Премного должны бы мы возлюбить эту добродетель, никогда не должны бы мы возноситься, тщеславиться и чваниться, когда сам Господь величия настолько Себя унижил. За это второе Его благодеяние – столь тесное ради нас заточение – никогда не сможем мы достойно Его отблагодарить. Но хотя бы в сердце давайте будем это сознавать и благодарить Его со

¹⁹ Petr. Com. Historia scholastica, 3 (PL 198, 1539).

всем пылом за то, что удостоил принять именно нас изо всех живых существ. И чтобы хоть немного Ему отплатить, давайте терпеливо переносить тесное заточение служения Ему. С Его стороны это – благодеяние, не наша заслуга, и благодеяние превеликое; за одно это мы должны бы принять Его и чтить. А наше заточение – не в наказание, а ради нашей защиты и сохранения. Нас поселили в неприступной крепости монастыря, где нас не смогут достать отравленные стрелы этого растленного мира, бури и треволнения мятущегося моря, если только мы сами не будем опрометчивы. Так попробуем напрячь все силы, отвлечь и запереть ум от всего преходящего и в чистоте сердца опустошить себя для Него. Потому что телесный затвор без затворничества ума дает мало пользы или вовсе никакой.

Посочувствуй Господу Иисусу также и в Его непрерывном страдании, от первого мига зачатия до смерти. Он страдает оттого, что знает, как Его возлюбленный Отец оставлен ради идолов грешниками и бесчестится. И оттого, что сочувствует душам, созданным по Его образу: Он видит их жалкими и несчастными, всех без изъятия осужденными на казнь; и это было для Него более тяжким мучением, чем станут позже страсти телесные. Ибо ради избавления от первого Он принял второе.

Ты видишь, какие лакомые блюда тебе здесь предлагаются. Если хочешь ощутить их сладость, жуй как следует, и подольше.

Глава VII. О рождестве Христовом (Лк 2)

Когда приближался девятимесячный срок, вышло от императора повеление *сделать перепись по всей земле* (Лк 2, 1), то есть каждый должен был переписаться в своем городе. Иосиф хотел идти *в свой город* (Лк 2, 3) – Вифлеем, и хотя знал, что его жене наступает время родить, повел ее с собой. Так что Госпожа второй раз отправилась в этот долгий путь. Потому что Вифлеем недалеко от Иерусалима, в пяти или шести милях. Ведут они с собой быка и осла и идут пешком, словно бедные торговцы скотом²⁰. А когда пришли они в Вифлеем, куда собралось много народу по той же самой причине, то, будучи бедными, не смогли найти пристанища.

Посочувствуй Госпоже, поставь себя на ее место: посмотри, какая она хрупкая и юная – ведь ей было всего пятнадцать лет; как устала от долгой дороги, как робеет в толпе людей, как ищет, где бы прилечь, и не находит. Вокруг все толкают ее и ее спутника, кричат и бранятся, так что им пришлось свернуть на какую-то тропинку на задах, по которой люди ходили во время дождей²¹. Там Иосиф – а он был мастером-плотником – кое-как устроил ночлег.

Теперь представь себе все это хорошенько, тем более что я намерен пересказать то, что было открыто и рассказано самой Госпожей и что я услышал от одного достойного доверия святого нашего ордена; а ему, я полагаю, это было открыто свыше.

Когда пришел час рождения, в полночь в воскресенье²², дева поднялась и ухватилась за какой-то столб, который там был. Иосиф же сидел мрачный, наверное, потому, что не мог устроить все как следует. Он встал и, взяв охапку сена из яслей, бросил к ногам Госпожи, а сам отвернулся. Тут Сын вечного Бога выходит из чрева матери, без боли, без натуги, мгновенно: вот только что Он был во чреве – и вот уже лежит на сене у ног Своей матери. А мать склоняется к новорожденному, поднимает Его и нежно обнимает; прижимает Его к груди и, наученная Святым Духом, начинает мыть Его и обтирать всего своим молоком. Сделав это, она завернула Его в покрывало головы своей и положила в ясли. Тогда бык и осел, преклонив колени, просунули морды в ясли и стали дуть из ноздрей, словно были разумными существами и понимали, что в зимнюю стужу младенец, укрытый более чем скудно, нуждается в обогреве. Мать же, преклонив колени, принялась молиться и благодарила Бога: «Благодарю Тебя, Господи святой Отче, что Ты дал мне Сына Твоего, и поклоняюсь Тебе, вечный Боже, и Тебе, Сыну Бога живого и моему». Иосиф тоже Ему поклонился и, сняв с осла седло и отвязав от него шерстяную подушечку, положил рядом с яслями, чтобы Госпожа на нее села. Она уселась, седло положила себе под локоть, а лицо склонила над яслями, и так коротала ночь Госпожа мира, не сводя глаз с превозлюбленного своего Сына.

Об этом поведала сама Госпожа брату нашего ордена и явила в откровении. Потом Госпожа исчезла, но остался ангел и много хвалил его, о чем он мне рассказал, но у меня не было пока случая поразмыслить или написать об этом.

Ты видела рождение священнейшего Начала; ты видела вместе с тем и роды Царицы небесной. И в том и в другом ты могла заметить самую стесненную бедность: они нуждались в самых необходимых вещах. Эту высочайшую добродетель Господь вновь приобрел себе. Она – та евангельская *жемчужина, чтобы купить* которую, стоит *продать все* (Мф 13, 46). Она – подлинное основание всего духовного здания: дух, обремененный багажом вещей переходящих, не может подняться к Богу. Об этом говорил святой Франциск: «Знайте, братья, что

²⁰ Petr. Com. Historia scholastica, 5 (PL 198, 1540).

²¹ Ibidem.

²² Ibidem.

бедность есть духовный путь к спасению. Она – горячее смирения, корень совершенства, плод которого многообразен, но скрыт от глаз». Велика для нас опасность, что мы, возлюбив бедность, предаемся ей не всеми своими силами, но обременяем себя лишними вещами, в то время как Господь вселенной и Госпожа мать Его блюли ее столь строго и ревностно. Об этом Бернард говорит так: «Преизобиловал на земле этот вид добродетели, а человек не ценил ее. Возжелав ее, Сын Божий сошел на землю, чтобы усвоить ее себе и, показав нам, сколь высоко Он ее ценит, сделать и для нас драгоценной. Укрась покой твой – смирением и бедностью. Он был доволен жалкими тряпками, в которые Его завернули; Мария свидетельствует – он радовался им, как шелкам. А мерзости египетские заколи Богу твоему»²³. Вот что говорит Бернард. И еще он говорит в беседе на Рождество, которая начинается словами «Благословен Бог и Отец»: «Наконец Он утешит народ Свой. Ты хочешь знать, кто Его народ? *Тебе предает себя бедный* (Пс 9, 35), – говорит человек, который *по сердцу Богу* (Деян 13, 22). Но и сам Бог говорит в Евангелии: «*Горе вам, богатые! Ибо вы уже здесь получили свое утешение*» (Лк 6, 24). Кто станет утешать тех, которые уже утешились?

Младенчество Христово не утешит болтливых и шумных; слезы Христовы не утешат хихикающих и гогочущих; лохмотья Его не утешат разгуливающих в дорогих нарядах; стойло и ясли не утешат любителей почетных мест в собраниях (Мф 23, 6). *Пастухи* трудились даже *ночью* – им возвещена светлая *радость*, им сказано, что *родился Спаситель* (Лк 2, 8–11), им, бедным и трудящимся, не вам, *богатым*, *у кого уже есть свое утешение* (Лк 6, 24) и свой господин»²⁴. Вот что говорит Бернард.

Та сама могла заметить в обоих глубочайшее смирение при самом рождении: они не презрели ни стойло, ни скотину, ни сено, ни прочие низменные вещи. Эту добродетель во всех своих поступках в полной мере сохраняли как Господь, так и Госпожа, и нам поручили. Итак, приложим все старания, на которые мы способны, чтобы усвоить себе смирение, ибо без него нет спасения. Ни одно наше дело не может угодить Богу, если сделано с гордостью. Ибо сказано у блаженного Августина: «Гордость сделала ангелов бесами; смирение делает людей подобными ангелам»²⁵. И у Бернарда: «Как ты думаешь, что будет с человеком, избирающим жребий отвергнутого ангела? Гордость однажды ввергла в мятеж и смуту небесное царство, сокрушила стены, погубила часть граждан, и часть немалую. Разве не станут теперь все граждане того града ненавидеть эту пагубу и отвращаться от нее с омерзением? Будьте уверены, братья, что не пощадивший гордых ангелов (2 Петр 2, 4) не пощадит и гордых людей. Он Сам Себе не противоречит»²⁶. Вот что говорит Бернард.

Вы могли заметить в обоих, особенно в младенце Иисусе, немалую сердечную скорбь. Бернард говорит на этот счет: «Итак, предстоит родиться сыну Божию. Время Он мог выбрать какое угодно, по Своему усмотрению; Он выбирает самое тяжкое, особенно для новорожденного, особенно для Сына бедной матери, у которой едва нашлась пара тряпок Его завернуть, ясли Его уложить. Нужда ужасающая, и ни единого упоминания о мехах я не слышу»²⁷. И ниже: «Христос – а Он не ошибается – избрал для Себя то, что тяжелее для плоти. Значит, так лучше, так полезнее, так и нам должно избирать. А кто будет учить или советовать иначе, от того, как от соблазнителя, надо держаться подальше». И ниже: «И все же, братья, Он сам обещал некогда через Исаяю: «*Младенец, разумеющий отвергать худое и избирать доброе*» (Ис 7, 15). Худое – это телесное хотение, а доброе – скорбь, недаром

²³ Bern., in Vigil. Nativ. Dom., serm. I, n. 5 (LTR 4, p. 201).

²⁴ Bern., in Nativ. Dom., serm. V, n. 5 (LTR 4, p. 269).

²⁵ Анонимного автора книга О спасении, гл. 18 (PL 40, 1053).

²⁶ Bern., Dominica 1. Novembris, 2, 3 (LTR, 5, p. 309).

²⁷ Bern., De Nativ. Dom., serm. III, n. 1 (LTR, 4, p. 258).

ее избирает премудрый Младенец, Слово новорожденное, а хотение отвергает»²⁸. Вот что говорит Бернард.

Иди, и ты поступай так же (Лк 10, 37), но будь внимательна, не переступай границу своих возможностей.

Об этих добродетелях можно будет поговорить еще, но в другом месте; а сейчас вернемся к дому рождества.

Когда родился Господь, бывшие там во множестве ангелы воздали хвалу своему Богу и тотчас отправились к пастухам, расположившимся примерно в миле оттуда, возвестили им о рождестве и указали место. Оттуда они вознеслись на небо с песнями и ликованием, передавая весть своим согражданам. Вся вышняя курия возрадовалась; устроили великий праздник; хвалили и благодарили Бога Отца за явленные Им деяния. Все, сколько их там было, по очереди сообразно чинам, приходили посмотреть на лицо Господа Бога своего, и поклонялись Ему со всем почтением, а также матери Его; и звучали хвалы Ему и песнопения. В самом деле, кто из них, услышав эту весть, мог бы усидеть на небе, кто бы не посетил Господа своего, так скромно устроившегося на земле? Ни в одном из них не могло оказаться такой гордости. Вот почему говорит Апостол: *«И когда вводит Первородного в круг земной, говорит: “и да поклонятся Ему все Ангелы Божию”»* (Евр 1, 6). Я думаю, что именно так размышлять об ангелах приятно, как бы там ни происходило на самом деле.

Пришли и пастухи и поклонились Ему и рассказали, что услышали от ангелов. Но разумнейшая мать все, что говорилось о ее Сыне, *сохранила в сердце своем* (Лк 2, 51); а пастухи порадовались и ушли²⁹.

Преклони колени и ты – ты так долго это откладывала, и поклонись Господу Богу твоему, а затем матери Его, и почтительно приветствуй святого старца Иосифа. Затем поцелуй ноги младенца Иисуса, лежащего в яслях, и проси Госпожу протянуть Его тебе и позволить взять на руки. Возьми Его на руки, поддержи, взглядишь как следует в Его лицо, поцелуй почтительно, и радуйся с верой в Него. Ты сможешь это сделать, ибо Он сам пришел к грешникам ради их спасения, и смиренно с ними общался, и наконец раздал Себя им в пищу как хлеб. Поэтому благость Его терпеливо позволит дотронуться до Себя, в меру твоего хотения, и не припишет это твоему высокому мнению о себе, но припишет твоей любви. Только делай это всегда с благоговением и страхом, ибо Он – святой святых. Потом верни Его матери и смотри внимательно, как ревностно и как мудро она ходит за Ним, как кормит Его молоком и делает все прочее, что положено. И ты, подражая ей, поухаживай за Ним, если сможешь. Найди в этом радость и удовольствие, и не забывай сосредоточенно размышлять. Поработай служанкой у Госпожи и младенца Иисуса, сколько сможешь, и почаще вглядывайся в Его лицо, взглянуть в которое – *желание ангелов* (1 Петр 1, 12). Но всегда, как я сказал, *с благоговением и страхом* (Евр 12, 28), а то потерпишь неудачу. Ты должна всегда сознавать себя недостойной такого близкого общения.

Еще ты должна с радостью размышлять о том, какой великий сегодня праздник. Ведь сегодня родился Христос, сегодня поистине день рождения вечного Царя и Сына Бога живого. Сегодня *Сын дан нам, младенец родился нам* (Ис 9, 6). Сегодня вновь ярко воссияло *Солнце правды* (Мал 4, 2), прежде скрытое за тучами. Сегодня Дух Святой, глава церкви избранных, *вышел из покоя Своего* (Пс 18, 6). Сегодня явил Он желанное лицо, *прекраснее сынов человеческих* (Пс 44, 3). Сегодня исполнен ангельский гимн: *«Слава в вышних Богу»*. Сегодня *возвещен мир в человецех* (Лк 2, 14; 19, 38), о котором поется в том гимне. Сегодня поет и Церковь: *«По всему миру медом разлились небеса, и на земле поют*

²⁸ Ibid., II, 2 (LTR, 4, p. 259).

²⁹ Petr. Com. Historia scholastica, 6 (PL 198, 1541).

ангелы»³⁰. Сегодня впервые *явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога* (Тит 3, 4). Сегодня поклонились Богу в образе грешной плоти. Сегодня совершились два чуда, превосходящие всякое разумение, одна вера может их постичь: Бог рождается, и Дева рождает. Сегодня просияло множество других чудес. Наконец, все, что было сказано о воплощении, здесь как бы осветилось ярче: там было начато, здесь явлено. Поэтому теперь в размышлениях твоих постарайся соединить то и это.

Поистине сегодня день ликования, радости и превеликого веселья. Говорят, в этот день в Риме, в одной лавке, которую звали «солдатским жалованием» (потому что солдаты ходили туда покупать все необходимое и тратили там заработанные ими деньги), из земли щедрым фонтаном забило масло и весь день текло рекой. А на небе вокруг солнца появился цветной круг, как радуга, и был виден повсюду. А еще в Риме золотая статуя, которую Ромул поставил у себя во дворце и о которой было пророчество, что она не упадет, пока дева не родит, рухнула в тот час, как родился Христос. На этом месте папа Каликст построил церковь Святой Марии, что теперь зовется Транстеверинской, т. е. Затибрской.

³⁰ In Nativ. Dom., Noct. 1, resp. 2 et in Vesp. 2.

Глава VIII. Об обрезании Господа Иисуса Христа (Лк 2)

На восьмой день младенец был обрезан.

Два великих события совершились сегодня. Первое: было провозглашено имя спасения. Имя, нареченное Ему от века, и ангелом произнесенное прежде зачатия Его во чреве³¹, сегодня было громко объявлено и названо: «*И дали Ему имя Иисус*» (Лк 2, 21). Иисус означает Спаситель, и это *имя выше всякого имени* (Флп 2, 9). «*Ибо нет другого имени под небом, – говорит апостол Петр, – которым надлежало бы нам спастись*» (Деян 4, 12).

Второе сегодняшнее событие: Господь Иисус начал проливать за нас пресвятую Свою кровь. Рано начал Он страдать за нас. Безгрешный, сегодня он начал нести наказание за нас. Сочувствуй Ему и плачь вместе с Ним, ибо сегодня Он громко плакал. Вообще в дни праздников мы должны радоваться о нашем спасении; но также и сочувствовать и скорбеть о Его боли и муках.

Вы слышали рассказ о Рождестве, как страдал Он от нужды. Между прочим, когда мать укладывала Его в ясли, под голову Ему она положила камень, кое-как прикрыв его сеном: я узнал это от нашего брата, который видел. И до сих пор этот камень там – вмурован в стену как память. Уж поверь, она охотнее положила бы подушку, если бы у нее была; но положить было нечего, и с горечью сердечной она положила тот камень.

Вот и сегодня ты слышишь, что Он пролил кровь. Каменным ножом Ему взрезали плоть. Разве не надо Ему посочувствовать? Конечно, надо; и Ему, и матери. Плакал сегодня младенец Ии сус от боли, которую чувствовал в плоти Своей: ибо имел самую настоящую плоть, чувствительную к боли, как все прочие люди. А раз Он плакал, мать Его, как ты думаешь, могла ли удержать слезы? Значит, плакала и она. А Сын, сидя у нее на руках, взглянул на нее и маленькой ручкой тронул ее рот и лицо, словно прося ее не плакать: ибо Он любил ее нежно и не хотел, чтобы она плакала. Так же и мать, у которой внутри все переворачивалось от страданий и слез Сына, утешала его и жестами и словами. Ибо она, как премудрая, понимала Его волю, хоть Он еще не говорил. Она говорила Ему: «*Сынок, видишь, я перестала плакать; перестань и Ты. Потому что когда Ты плачешь, я тоже не могу не плакать*». И тогда младенец, сочувствуя матери, перестал всхлипывать. Мать же утерла слезы Ему и себе и прижалась лицом к Его лицу; покормила Его молоком и утешала, как могла. И так делала всякий раз, как Он плакал. Он, наверное, делал это нередко, как все дети, чтобы показать несчастье человеческой природы, которую принял поистине; а также для того, чтобы спрятаться, дабы дьявол Его не узнал³². Церковь поет о Нем: «*Кричит младенец в тесноте и тягости*» и т. д.³³

В наши дни больше не делают телесного обрезания. У нас крестины: в них больше благодати и меньше мучений. Но мы должны получить обрезание духовное: отрезать и отбросить все лишнее, как учит нас бедность. Ибо истинно бедный есть истинно обрезанный духовно. Именно об этом, по Бернарду³⁴ говорит в немногих словах апостол: «*Имея пропитание и одежду, будем довольны тем*» (1 Тим 6, 8). Кроме того, духовное обрезание должно коснуться всех чувств нашего тела: мы должны скупно пользоваться зрением, слухом, вкусом, осязанием, и в особенности способностью говорить.

³¹ Ср. *Legenda aurea*, 13.

³² *Legenda aurea*, 13.

³³ In *Dominic. Pass.*, ad *Matut.*, hymn.

³⁴ Bern., In *Circumcisionem Domini*, 1, 3 (LTR 4, p. 275).

Болтливость – наихудший порок, ненавистный и Богу и людям, он не нравится никому. Поэтому нам надо сделать обрезание языка, то есть говорить мало и по делу. Много говорить – признак легкомыслия. Молчание – дело добродетели, и не без причины его предписывают монашеские ордена. Блаженный Григорий говорит на эту тему так: «Правдиво говорить умеет тот, кто прежде хорошо научился молчать. Строгость без молвия – своего рода пища Слова»³⁵. И в другом месте: «Легкие мыслями и в разговоре будут мчаться сломя голову: что усвоило легкое сознание, то язык тотчас извергает наружу»³⁶. Об этом же говорит Бернард в беседе на Богоявление, которая начинается словами «В делах Господа»: «Что касается языка, то кто же не знает, как он нас оскверняет и пачкает? Пустословием и ложью, руганью и лестью, злословием и хвастовством. Для всей этой грязи нужен большой кувшин воды, то есть безмолвие, страж богопочитания, в котором наша сила»³⁷. И в другом месте: «Праздность – мать глупостей и мачеха добродетелей. Глупости порой приходится выслушивать; но никогда не следует говорить. Ты посвятил уста свои Евангелию: нельзя открывать их для глупостей»³⁸.

³⁵ Greg., In Ezech., hom. XI, n. 3 (PL 76: 907; CCL 142: 170).

³⁶ Greg., Moral., lib. V, c. XI, al. XIII, n. 30 (PL 75: 695; CCL 143: 239).

³⁷ Bern., in Dom. 1, post octav. Epiph., serm. II, n. 7 (LTR 4, p. 325).

³⁸ Bern., de Consid., lib. II, c. XIII (LTR 3, p. 429–430).

Глава IX. Об эпифании, или о явлении Господа Иисуса (Мф 2)

На тринадцатый день младенец Иисус явил себя народам, то есть магам – ведь они были язычники³⁹.

Обрати внимание на этот день: едва ли найдешь ты еще один праздник, так торжественно справляемый Церковью; так много на него антифонов, респонсориюв, проповедей и прочего, предназначенного для праздничных служб. Не потому, что он больше других праздников, но потому, что в этот день сделано Господом Иисусом много великих деяний, и в особенности для самой Церкви.

Во-первых, в этот день Он принял Церковь в лице волхвов: ибо Церковь собралась из языческих народов. В день Своего рождения Он явился иудеям в лице пастухов; но иудеи не приняли слово Божие, за исключением немногих. Сегодня же Он явился язычникам; а это Церковь избранных. Поэтому сегодняшний праздник есть собственно праздник Церкви и верных христиан.

Во-вторых, в этот день Он обручился с Церковью и истинно сочетался с ней через крещение, которое принял в тот же самый день, только двадцать девять лет спустя. В честь этого поется радостное песнопение: «Сегодня с небесным Женихом сочеталась Церковь» и т. д.⁴⁰ В самом деле, в крещении души обручаются Христу, который получил силу от Своего крещения; а собрание крещеных душ называется Церковью.

В-третьих, в этот день, а именно, спустя год после крещения, Он совершил первое чудо на свадьбе. Оно тоже может пониматься в смысле Церкви и духовного брака.

По-видимому, в этот же день Он совершил позднее и еще одно чудо – умножение хлебов и рыб, однако первые три события Церковь вспоминает сегодня, а это последнее нет.

Итак, ты видишь какой это знаменательный день: ведь Господь избрал его для столь великих и дивных дел. Сегодня Церкви был представлен ее Жених; памятью о таком великом благодеянии, она не хочет быть неблагодарной, и потому радуется, ликует и поет, и устраивает в этот день великолепные торжества.

Поговорим о первом событии, потому что о других будет разговор дальше, по порядку жизни самого Христа. Что же касается первого, то есть прихода волхвов ко Христу, то я не собираюсь излагать моральных толкований – их и так подробно изложили святые. Так что о том, как маги с Востока пришли в Иерусалим, и что произошло между ними и Иродом, и о путеводной звезде, и какие дары они принесли и почему, ты прочтешь в Евангелии и в толкованиях святых, и все там найдешь. Я же намерен, как уже сказал тебе с самого начала, в этом и в других событиях жизни Христа затронуть лишь некоторые вещи, подходящие для размышления: то, что легко представить в воображении, что душа может воспринять разными чувствами; так ли, как оно было на самом деле, или как оно, вероятно, могло произойти.

Что же до толкований, то я редко решаюсь в них пускаться: во-первых, я для этого недостаточно учен, а во-вторых, это предмет слишком пространный.

³⁹ По-гречески язычники называются *ἔθνη*, от слова *ἔθνος*, по-латыни – *gentiles* от слова *gens*; греч. *ἔθνος*, лат. *gens*, славянское «язык» означает «народ», «племя». Т. е. язычники – это все люди, живущие по племенам и нациям и поклоняющиеся своим национальным богам, в противоположность народу Божию – Израилю, как древнему, так и новому. «Маги» – название древнего народа в Азии; впоследствии это слово стало именем нарицательным, ибо маги в большинстве своем занимались астрологией, гаданиями и всевозможным колдовством – волхвованием. Далее мы переводим лат. *magi* русским «волхвы». – *Прим. пер.*

⁴⁰ In Epiph. Dni, Ad Bened., Ant.

Но вернемся к нашим нынешним занятиям. Будь вни мательна, представь себе, будто ты сама там присутствуешь и хорошенько вглядывайся в каждую вещь по отдельности, потому что, как я тебе уже говорил, в этом вся суть этих размышлений.

Итак, прибыли три царя с многочисленной челядью и с почетной свитой и остановились у сарая, в котором родился Господь Иисус. Госпожа услышала шум и суету и взяла младенца на руки. Входят они в лачугу, преклоняют колени и поклоняются Господу младенцу Иисусу со всей почтительностью. Воздают Ему почет как Царю и кланяются Ему как Господу.

Посмотри, как велика была их вера. Легко ли было поверить, что этот крошка младенец, так скудно одетый, на руках у беденькой матери, в заброшенной развалюхе, без общества, без семьи, без прислуги, без всякой обстановки есть Царь и Бог истинный? Тем не менее они поверили. Нам бы таких вождей и начальников, такую простоту.

Итак, стоят они на коленях перед Ним, беседуют с матерью, должно быть, через толмача, а может, они знали еврейский язык. Расспрашивают ее о младенце. Госпожа рассказывает, а они всем ее словам верят.

Вглядись в них: как почтительно, как вежливо они говорят и слушают. Погляди и на Госпожу: она говорит краснея, опустив глаза долу, с робостью; ни произносить речи, ни показываться на люди ей не нравится. Однако Господь подвигнул ее на это трудное дело и придал смелости: ведь они представляли будущую вселенскую Церковь из языков. Погляди и на младенца Иисуса: Он еще не умеет говорить, но сидит на руках с достоинством, как взрослый, словно все понимает, и благосклонно взирает на них, а они радуются, глядя на Него, – взором как умственным, будучи изнутри вразумлены и просвещены Им, так и телесным, ведь Он был *прекраснее сынов человеческих* (Пс 44, 3).

Наконец, получив великое утешение, они подносят Ему *золото, ладан и смирну: открывают свои сундуки с сокровищами* (Мф 2, 11), достают, наверное, какое-нибудь покрывало или ковер, расстилают у ног Господа Иисуса и выкладывают на него дары. Надо полагать, каждый из них принес все три, и помногу, особенно золота. В противном случае, если бы подарки были малыми, им не пришлось бы отпирать сундуки; малые и легкие дары их сенешали могли бы нести в руках. Потом они в знак преданности почтительно облобызали его ноги. Почему бы не представить себе, что премудрый Младенец, чтобы больше утешить их и утвердить в любви к Себе, протянул им для поцелуя и руку? А затем благословил их мановением руки. Они же, откланявшись и попрощавшись, удалились с великой радостью и *иным путем отошли в страну свою* (Мф 2, 12).

Как ты думаешь, что стало с тем золотом, которое, наверное, представляло огромную ценность? Неужели Госпожа оставила его себе и отложила впрок? Или купила дома, поля и виноградники? Брось; любительница бедности не заботится о подобных вещах. Нет, охваченная сильным рвением к бедности и понимая волю Сына, который и внутренне ее наставлял и внешними знаками показывал, отворачиваясь от золота, как мало Он его ценит, Госпожа в несколько дней раздала все бедным. В тягость ей было его хранить или уносить с собой. Поэтому она раздала все, так что, когда пришла в храм, ей не на что было купить ягненка в жертву за Сына, и она купила то ли горлиц, то ли голубей. Так что разумно будет считать, что дары волхвов были велики, но Госпожа, стремясь к бедности и полная любви к ближним, раздала их бедным.

Ты видишь прославление бедности. Здесь обрати внимание на две вещи. Во-первых, сегодня младенец Иисус как нищий принял милостыню, и мать Его с Ним. Во-вторых, у них не только не было желания приобретать или копить, но и то, что им дали, они не пожелали оставить у себя, так сильно возрастала в них жажда бедности.

А смирение ты здесь заметила? Присмотрись хорошенько, и сможешь заглянуть в самую глубину смирения. Есть люди, которые в душе ценят себя невысоко и в собственных

глазах не превозносятся. Но не хотят плохо выглядеть в чужих глазах, не терпят, чтобы их низко ставили, не выносят, чтобы над ними смеялись. Им не хочется, чтобы их несовершенства и не достатки были заметны другим, они боятся презрения. Не так поступил сегодня младенец Иисус, Господь всяческих. Он пожелал обнаружить нищету Свою и Своих родителей, и не перед малыми и немногими, а перед множеством высокопоставленных – перед царями с их многочисленной свитой, да еще в такое время и в таких обстоятельствах, когда многого следовало бояться. Ведь легко могло случиться, что они бы пришли увидеть царя Иудейского, которого вдобавок считали Богом, и усомнились бы, найдя Его в такой обстановке, и решили бы, что над ними смеются и издеваются, и ушли бы восвояси без веры и преданности. Однако Любящий смирение не побоялся и подал нам пример, дабы мы не отступали от смирения, даже если кажется, что это во благо, и дабы мы научились хотеть выглядеть ничтожными и незначительными в глазах других.

Глава X. О том, как Госпожа оставалась при яслях

Когда волхвы ушли, отправившись к себе на родину, а все их дары были розданы, остается Госпожа мира с младенцем Иисусом и с кормильцем своим святым старцем Иосифом у яслей в том же хлеву, терпеливо дожидаясь сорокового дня, как сделала бы любая другая женщина из их народа, и как если бы младенец Иисус был обычный человек, обязанный соблюдать закон.

Они не хотели особых послаблений, и потому соблюдали закон, как все прочие. Многие поступают иначе: в обществе, в котором живут, они требуют для себя особых льгот; они не хотят быть, как другие, и стремятся выделиться, как более достойные. Но истинное смирение такого не терпит.

Итак, Госпожа, как все прочие женщины, после родов сидела дома, дожидаясь положенного дня, чтобы пойти в храм. Она не спала по ночам, внимательно ухаживая за любимым сыном. О Боже! С какой заботой и тщанием ходила она за Ним, стараясь не упустить ни одной мелочи! Как бережно, как почтительно, с каким благоговением она дотрагивалась до Того, Кто был, она знала, ее Богом и Господом, как брала Его, преклонив колени, из колыбели и вновь укладывала! С какой радостью и нежностью, с каким материнским упованием она обнимала, целовала и ласково гладила Того, Кто был, она знала, ее родным Сыном! Как часто с любопытством вглядывалась в Его лицо и разглядывала все Его пресвятое тело! Как серьезно и стыдливо пеленала крошечные нежные члены! Будучи не только самой смиренной, но и самой разумной, она все успевала и прекрасно обихаживала и днем и ночью не только младенчика, но и старца. А как любила она кормить Сына молоком! Не может быть, чтобы она не испытывала великого, неведомого прочим женщинам наслаждения, когда кормила младенца грудью. Но и о святом Иосифе Бернард пишет, что, по его мнению, тот, держа младенца Иисуса на коленях, частенько Ему улыбался.

Итак, Госпожа остается у яслей. Останься с ней и ты, побудь подольше возле яслей; насладись обществом младенца Иисуса, ибо *от Него исходит сила* (Лк 6, 19). Всякая верная душа, а в особенности монахиня должна бы от Рождества Господня до Сретения по крайней мере один раз в день навестить Госпожу у яслей, поклониться младенцу Иисусу и матери Его с любовью, поразмышлять об их бедности, смирении и милости.

Глава XI. Об очищении Пресвятой Девы

На сороковой день, как было установлено законом, вышла Госпожа с младенцем Иисусом и Иосифом, и пошли они из Вифлеема в Иерусалим, а это пять или шесть миль, чтобы согласно закону представить Его Господу (см. Лев 12, 6).

Пойди и ты с ними, помоги нести младенца, и внимательно присматривайся ко всему, что происходит, прислушивайся к каждому слову – здесь все мелочи очень важны.

Итак, Господа храма приносят к храму. У входа в храм они купили *двух горлиц или двух птенцов голубиных*, чтобы принести в жертву за Сына, как это водилось у бедных (см. Лк 2, 24). А так как они были беднейшие из бедных, надо полагать, что речь идет о птенцах голубиных, потому что они дешевле и в законе стоят на последнем месте, а Евангелист ничего не говорит об агнце, которого приносили богатые.

И вот *Симеон, праведный духом, пришел по вдохновению в храм, чтобы, как было ему предсказано, увидеть Христа Господня* (Лк 2, 25–26). Шел он торопливо и, увидев Его, тотчас узнал пророческим духом и подбежал и, преклонив колени, поклонился Ему, сидевшему на руках у матери. А Младенец благословил его и, глядя на мать, наклонился в его сторону, давая понять, что хочет к нему. Мать поняла и, хоть удивилась, но протянула Его Симеону. А тот с радостью и почтением принял Младенца на руки, встал, благословляя Бога, и сказал: *«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко»* и т. д. (Лк 2, 29). Он изрек пророчество о Страстях Его. Тут подошла и пророчица Анна и, поклонившись Ему, говорила о Нем так же. Мария, подивившись сказанному, сохранила все в сердце своем. Затем младенец Иисус, протянув руки к матери, возвращается к ней. И они идут к алтарю тем самым шествием, которое в наши дни воспроизводится по всему свету. Впереди поспешают двое почтенных старцев, Иосиф и Симеон, держась за руки, в восторге и ликовании, с пением псалмов: *«Славьте Господа, ибо благ, ибо вовек милость Его»* (Пс 117, 1) и *«Верен Господь во всех словах Своих»* (Пс 14, 13) и *«Ибо сей есть Господь Бог наш на веки и веки, Он будет царствовать над нами вечно»* (Пс 47, 15) и *«Мы постигли, Боже, милосердие Твое посреди храма Твоего»* (Пс 47, 10). Следом за ними идет мать, неся Царя Иисуса. Рядом с ней идет Анна, ликуя с благоговением, хваля Господа с несказанной радостью. Из них и состоит вся процессия; пусть их немного, но представляют они великое и многочисленное – весь род человеческий: есть среди них мужчины и женщины, старые и юные, девы и вдовы. Когда подошли к алтарю, мать почтительно преклонила колени и, протягивая Сына своего Богу Отцу Его, говорит: *«Прими, превосходительнейший Отче, единородного Сына Своего, которого, по заповеди закона Твоего, приношу Вам в жертву, как первородного матери Своей. Но прошу Тебя, Отче, возврати мне Его»*. И, встав, положила Его на алтарь.

О Боже! Что за жертва! Никогда не бывало принесено такой и никогда не будет.

Постарайся хорошенько рассмотреть все подробности. Вот младенец Иисус лежит на жертвеннике, как всякий другой ребенок. Но выражение лица у Него взрослое; Он смотрит на мать, на остальных, и смиренно и терпеливо ждет, когда совершится все, что положено. Приводят священников, и Господа всяческих, словно раба, выкупают, как принято, за пять сиклей. Сикль – это была такая монета. Когда Иосиф уплатил их священнику, мать с радостью вновь взяла Сына на руки. Затем взяла из рук Иосифа птиц, о которых мы говорили, чтобы предложить их в жертву. И, преклонив колени, держа птиц в руке, воздев глаза и протягивая руку к небу, принесла их Богу со словами: *«Прими, милостивейший Отче, это приношение, этот скромный подарок, первый дар, который Твой малыш сегодня Тебе от своей бедности предлагает»*. А младенец Иисус тоже протянул ручки к птицам, поднял глаза к небу и, еще не умея говорить, жестами вместе с матерью предлагал их Богу. И птиц положили на алтарь.

Ну вот, ты сама видела, каковы эти жертвователи, мать и Сын. Скажи же, разве может такая жертва, пусть и малая, быть отвергнута? Конечно, нет. Более того, наверняка сами ангелы тотчас доставили ее в вышнюю курию, и принята она была так, что курия ликовала и пела от восторга.

После этого святая Дева ушла из Иерусалима и навестила Елизавету, желая видеть Иоанна прежде, чем покинет те места. Иди и ты вместе с ней повсюду, куда бы она ни шла, и помогай нести младенца.

Когда она пришла к Елизавете, они устроили большой праздник в честь своих детей. А младенцы обрадовались друг другу, и Иоанн, словно все понимал, держался с Иисусом почтительно. А ты столь же почтительно отнесись к Иоанну, ибо этот мальчик велик пред лицом Господа; может быть, он удостоит тебя благословения.

Но задерживаться в гостях они не стали и через несколько дней отправились в путь; они хотели идти в Назарет.

Если ты хочешь, чтобы рассказ об этих событиях помог тебе, преобразуя твою душу к смирению и бедности, обрати внимание на предложение жертвы и искупление, на соблюдение закона, и легко найдешь искомое.

Глава XII. О бегстве Господа в Египет (Мф 2)

Итак, они направлялись к Назарету, ничего не зная о решении Господа и о том, что Ирод готовился убить младенца Иисуса. В это время *Ангел Господень явился во сне Иосифу* (Мф 2, 13) и сказал, чтобы он с Младенцем и матерью Его бежал в Египет, ибо Ирод хочет погубить душу младенца. Иосиф проснулся и, разбудив мать, сказал ей. Она тотчас поднялась и хотела немедленно пуститься в путь: от рассказа Иосифа всё у неё внутри содрогнулось, и она не желала пренебречь спасением и благополучием сына. Так что они без промедления ночью отправились в египетскую сторону.

Присмотрись, поразмышляй над сказанным и над тем, о чем будет сказано ниже. Погляди, как они поднимают спящего младенца Иисуса, посочувствуй им, встань на их место, и ты увидишь, как много доброго для себя ты можешь усмотреть в этом происшествии. Во-первых, заметь, как Сам Господь терпеливо принимал то счастье, то несчастье. И когда на твою долю выпадает то или иное, ты не теряй терпения: за горой найдешь долину. Вот Господь: при рождении Своем Он был величаем пастухами как Бог, а вскоре после рождения был обрезан, как грешник. Потом пришли волхвы и воздали Ему великие почести, тем не менее Сам Он в это время лежал в яслях, между бессловесных тварей, и плакал, как сын самого ничтожного человека. После этого Его представили в храм, где Его превозносили Симеон и Анна, а теперь ангел говорит, чтобы Он бежал в Египет. Поразмысли о многих других событиях Его жизни: мы можем извлечь из них то же самое наставление. А именно: если выпало тебе утешение, жди скорбей, и наоборот. Мы не должны превозноситься в счастье, или позволять сломить нас несчастьем. Господь дает утешения, дабы поддержать в нас надежду, чтобы мы не сбились с пути. Он же дает и скорби, чтобы сохранить в нас смирение, дабы мы, сознавая свое ничтожество, всегда пребывали в страхе Божиим. Так поразмыслим же о том, что Он терпел это для нашего наставления, а также для того, чтобы скрыться от дьявола.

Во-вторых, о Божьих благодеяниях и утешениях пойми вот что: кто их получает, не должен превозноситься над тем, кто не получает; а кто не получает, не должен падать духом и завидовать получившему. Я имею в виду, что ангел явился Иосифу, а не матери, хотя Иосиф был много ниже ее. К тому же тот, кому доведется воспринять такого рода явление, часто хотел бы, чтобы это было не так, однако он не должен выказывать неблагодарность и ворчать; ведь даже Иосиф, который был столь велик перед Богом, услышал ангельские слова не наяву, а во сне.

В-третьих, обрати внимание, как Господь попускает, чтобы Его родных преследовали и мучили. К примеру, в этот раз – как сильно должны были терзаться Его мать и Иосиф, узнав, что Младенца ищут и хотят убить. Могло ли быть для них известие страшнее? И было тут терзание иного рода, еще больше первого: пусть они знали, что Он – сын Божий, однако чувства в них могли смутиться сомнением; они могли подумать: Господи Боже всемогущий, для чего надо Сыну Твоему спастись бегством? Ты что, не можешь защитить Его здесь? И еще одно мучение состояло в том, что пришлось им идти в дальнюю страну, которой они не знали, и *шли они жесткими путями* (Вар 4, 26), и вряд ли были способны одолеть такую дорогу: Госпожа – из-за своей юности, Иосиф – из-за старости. К тому же им приходилось нести Младенца, которому едва исполнилось два месяца; и путешествовать предстояло *в чужой земле* (1 Макк 6, 13), а бедны они были так, что у них просто ничего не было. Каждая из всех этих вещей и сама по себе мучительна. Так что ты, если придется тебе страдать, терпи и не думай, что тебе даст поблажку Тот, Кто не дал ее ни Себе, ни Своей матери.

В-четвертых, обрати внимание на милость Его. Ты видишь, как Он терпит преследование, не противясь принимает изгнание из родной страны, добродушно уступает безумной

злобе того, кого мог бы в один миг уничтожить. Какое глубокое смирение и великое терпение! Он не хотел отвечать ударом на удар, не хотел обижать; Он предпочел убежать от преследователя. Так и мы должны держаться с теми, кто нас обижает, или ругает, или преследует: не сопротивляться, не стремиться отомстить, но терпеливо выносить их, уступать их злобным нападкам и, более того, молиться за них, как учит Господь в другом месте в Евангелии (Мф 5, 44).

Итак, Господь бежал от лица раба, мало того, от раба дьявола. Несла Его юная мать, совсем почти девочка, и святой Иосиф, совсем почти старик, в Египет, по дороге малохожевой, темной, тернистой, через леса, горы и овраги, по местам необитаемым, путем кружным и очень длинным. Говорят, для гонца-сорохода там по прямой двенадцать или пятнадцать дневных переходов; они же шли, наверное, месяца два или больше. Ведь они шли, как рассказывают, через ту самую пустыню, по которой выходили из Египта сыны Израиля; а те шли сорок лет. Как они добывали себе в пути пропитание? Как несли припасы? Как и где останавливались на ночлег? Ведь жилье в той пустыне редко найдешь.

Поставь себя на их место, почувствуй то же, что и они: труд тяжкий, великий, долгий – и для них, и для младенца Иисуса. Пойди рядом с ними пешком, помогай нести Младенца, послужи им всем, чем можешь. Пойми: никакой наш собственный труд не должен нам казаться наказанием, раз другие – и столь великие – безропотно несли столь тяжкие труды так часто и так долго. О том, что случилось с ними на пути через пустыню, мало достоверных свидетельств, и я не буду об этом рассказывать.

Когда пришли они в Египет, содрогнулись все идолы этой провинции, как было предсказано пророком Исайей (Ис 19, 1). Они пошли в некий город под названием Гелиополь и там сняли какой-то домишко и прожили там семь лет как пришлые чужаки, в бедности и нужде.

Вот здесь есть случай для прекрасного, благочестивого и чрезвычайно сочувственного⁴¹ размышления. Задумайся хорошенько вот над чем: на что они жили столько времени? Как добывали средства к существованию? Неужели попрошайничали? О Госпоже мы читаем, что она зарабатывала необходимое себе и Сыну иглой и прялкой. Значит, повелительница мира, любительница бедности, шила и прjala. Сильно же они возлюбили бедность во всех ее проявлениях и неукоснительно хранили ей верность до самой смерти. Но неужели она сама ходила по домам, предлагая пряжу, шитье и прочие работы, которые умела делать? – Наверное; ведь надо было, чтобы вся округа узнала о ней, иначе она осталась бы без работы: тамошние женщины вряд ли были ясновидящие. А когда Иисусу пошел пятый год или около того, неужели Он Сам бегал по поручениям матери, выпрашивая для нее заказы? – Наверное; у нее ведь не было другого посыльного. И неужели Он Сам разносил готовые работы и просил денег в уплату от имени матери? Неужели приходилось при этом краснеть мальчику Иисусу, Сыну Бога всевышнего, и матери, Его посылающей? А что если порой попадалась заказчица гордая, сварливая и языкастая? Он приносил ей готовую работу, просил заплатить, она же работу забирала, а Его выгоняла без денег, с обидной бранью, и Он возвра-

⁴¹ *Compassiva: compassio* – букв. «сочувствие» (перевод греческого стоического термина «симпатия»), означает глубинное, рационально необъяснимое внутреннее родство. Этот термин возник в стоической философии – в системе строгого пантеизма. Все вещи связаны взаимным сочувствием постольку, поскольку причастны единому Богу, он же – Природа и Вселенная; все существа и вещи являются его проявлениями. Симпатия – основание причинно-следственных связей во вселенной, а для единичного существа – условие возможности индивидуального спасения путем приобщения к Целому. Перейдя из философии в литературу и бытовой язык *compati* – «сочувствовать» – стало означать «поставить себя на место другого, влезть в его шкуру, посмотреть на мир глазами другого». Применительно к театру *compati* – «войти в роль, вжиться в образ». Именно в этом значении «сочувствие» употребляется в данном трактате; оно составляет важнейшую предпосылку медитации: с помощью воображения нужно «войти в образ» того, о ком размышляешь, встать на его место – буквально, в комнату или пустыню, где он находится; чувствовать (т. е. видеть, слышать, обонять, осязать) то же, что и тот, о ком медитируешь. – *Прим. пер.*

щался домой ни с чем. О, сколько ужасных притеснений и обид приходится терпеть пришлым чужестранцам! Но Господь пришел не уклоняться от них, а все вынести. Подумай, как, должно быть, порой Он приходил домой, голодный, как обычно бывает у мальчишек, и просил хлеба, а у матери нечего было Ему дать. Разве при этом не сжималось у нее сердце? Должно быть, она утешала Его, как могла, словами, старалась приласкать, и, наверное, не раз недоедала сама, чтобы оставить что-нибудь Сыну.

Вот об этих и подобных вещах ты сможешь поразмышлять; пример я тебе дал. А ты продолжай и двигайся дальше, сама смотри, куда: будь маленькой девочкой с мальчиком Иисусом, и не пренебрегай мелочами, какими бы низменными или детскими они ни казались; размышляй о Нем неотступно. Эти размышления будто бы о мелочах даруют набожную преданность, усиливают любовь, возжигают тепло, учат сочувствию, несут чистоту и простоту, питают силу для смирения и бедности, позволяют сохранить домашнюю родственную близость, ведут к уподоблению и поддерживают надежду. Возноситься в горние пределы нам не по силам, однако *немудрое Божие премудрее человек и немощное Божие сильнее человек* (1 Кор 1, 25). К тому же подобные размышления, несомненно, уничтожают гордыню, лишают силы вожделение, прогоняют любопытство. Видишь, сколько добра от них происходит? Итак, повторяю: будь с ребенком ребенок, с подростком подросток⁴², и всегда храни смирение. Следуй за Ним, куда бы Он ни пошел, и не своди глаз с Его лица.

Ты уже заметила, как тягостна была их бедность, сколько она несла с собой трудов и страхов? И если пропитание им приходилось добывать трудом своих рук, как, ты думаешь, они были одеты? Какая, по-твоему, была у них обстановка, то есть кровати и прочее, что создает удобства в доме? Было ли у них по два платья? Было ли в доме что-нибудь лишнее, что-нибудь для забавы или украшения? Это не вяжется с бедностью, и даже если бы она могла себе что-нибудь такое позволить, не захотела бы она, возлюбившая бедность.

А как ты думаешь, когда Госпожа шила или исполняла другую работу, делала ли она какие-нибудь особенные вещицы, из любви к красивому и интересному⁴³? Не может быть; пусть этим занимаются те, кому не жаль времени; а она, живя в такой нужде, не могла тратить время на безделушки. Но если бы и могла, не стала бы. Есть один опаснейший порок, особенно распространенный в наше время. Хочешь знать, какой? Посмотри, во-первых, как время, отпущенное нам на хвалу Господу, растрачивается, вопреки Ему, на пустяки. Создать особенно красивую, интересную вещицу отнимает больше времени, чем приносит пользы или радости. А это очень плохо. Во-вторых, для создателя таких вещей они – повод для тщеславия. О, сколько раз человек обдумывает, прикидывает, представляет себе в уме, поворачивая так и этак, свое произведение, даже когда не работает над ним; и даже когда должен бы сосредоточиться на божественном, занят лишь тем, как бы создать нечто прекрасное, а затем выставляет свое творение напоказ и хочет признания и славы. В-третьих, для изготовителя такой вещи она – повод для гордости; именно таким маслом питается огонь гордыни и разгорается сильнее. Как вещи грубые и простые – топливо смирения, так произведения искусства – горючее гордости. В-четвертых, это дело отвлекает душу от Бога.

⁴² Ср. In fs. Purifi c. BMV, noct. 2, lect. 5.

⁴³ *Opera curiosa*. – *Curiosus* (от лат слова *cura* – «забота, тщание») означает, с одной стороны, свойство объекта – нечто, требующее заботы и внимания, либо выполненное с особым тщанием; с другой стороны, свойство субъекта – особое внимание, интерес, любознательность или любопытство. Здесь это слово употребляется в обоих значениях. Для швеи, какой была Дева Мария, *opera curiosa* – это работы, требующие особого тщания и умения, т. е. не просто сшить платье, чтобы было во что опрятно одеться, а украсить его вышивкой, шитьем, кружевами или оборками. Или сшить по последней моде, чтобы было красиво и интересно. Для остальных *opera curiosa* – это то, чем можно любоваться или выставлять напоказ. Автор трактата вставляет здесь целое моральное рассуждение о пороке *curiositas*, название которого затруднительно перевести одним русским словом *Opus curiosum* – это из ряда вон выходящее *произведение искусства*, шедевр в любом мастерстве. А для любителей изящного – это *достопримечательность*, на которую стоит полюбоваться. Можно сказать, что пафос данного рассуждения направлен против *искусства* и увлечения им. В настоящем переводе *curiosum* передано как «особенное», «любопытное», «красивое», «интересное», «произведение искусства». – *Прим. пер.*

Согласно блаженному Григорию, человек тем больше отлучается от горней любви, чем низменнее его наслаждения⁴⁴. В-пятых, похоть очес есть одна из трех вещей, к которым восходят все грехи мира. А красивые вещи предназначены не для чего иного, как для разжигания и утоления этой похоти. Сколько раз человек с суетным удовольствием услаждает глаза красивыми вещами, будь то их создатель, или тот, кто их носит или ими пользуется, столько раз он оскорбляет Бога. В-шестых, для многих они служат ловушкой и причиной гибели; увидав такую вещь, человек может оскорбить Бога многими способами: возьмет дурной пример, или станет наслаждаться созерцанием, или захочет себе такую же, или похвалит, или обругает, или украдет. Подумай, сколько раз будет оскорблен Бог, прежде чем подобная вещь разрушится; а причиной всех оскорблений станет мастер, ее создавший. Поэтому, даже если бы я попросил тебя сделать мне что-нибудь эдакое, и если бы ты была уверена, что я мечтаю о такой вещице, ты не должна ее делать, ибо нет такой причины, ради которой стоило бы соглашаться на грех, и любыми путями следует уклоняться от оскорбления Бога. Тем более ты оскорбишь Его, если станешь заниматься такими вещами сама ради собственного удовольствия, желая более угодить твари, нежели Творцу! Этим занимаются те, кто живет помирски; подобные вещи – украшение мира, поношение Бога. Но кто намерен жить в чистоте совести, тот не дерзнет этим заниматься; я не знаю, как бы чистый человек мог захотеть испачкаться в такой мерзости. Видишь, сколько зол и бедствий проистекает из любви к красивому и интересному. Но есть и другое зло, хуже всех перечисленных: такая любовь прямо противоречит бедности. Кроме того, она – признак легкомысленной, суетной, непостоянной души.

Все это я сказал для того, чтобы ты избегала вещей такого рода. Не делай их, не пользуйся ими, вообще беги от них, как от ядовитой змеи. Однако не следует думать, что нельзя никогда создавать прекрасных произведений. Можно, особенно для богочитания. Но здесь нужна величайшая осторожность: внимание к красоте, увлечение, наслаждение, даже подчиненные строгому порядку, опасны; их надо вовремя замечать и гнать из души подальше. О любопытстве к подобным вещам говорит св. Бернард: «Я спрашиваю, какая польза от суетных зрелищ? Что дают они телу? Чем питают душу? Поистине, ты не найдешь в человеке ничего, чему идет на пользу любопытство. Легковесное, пустое, бессмысленное утешение. Кто бежит от сладостного мира и покоя, чтобы удовлетворить свое беспокойное любопытство, для того я не знаю более жестокого проклятия, чем: пусть у него всегда будет то, чего он ищет»⁴⁵.

Однако вернемся к Госпоже в Египет. Мы оставили ее ради проклятого порока любопытства. Теперь вновь взгляни на нее в ее трудах: она шьет, прядет, тклет. Она делает это добросовестно, смиренно, неустанно, но при этом успеваает и о Сыне заботиться самым тщательным образом, и дом вести, и ночью вставать на молитву – делает, сколько может, и всегда занята. Постарайся поставить себя на ее место, посочувствуй ей горячо, и ты увидишь, что не даром досталось царство Госпоже царства.

Случалось частенько и так, что какие-нибудь добрые матроны, видя ее бедность, кое-что ей присылали; она принимала со смирением и благодарила. И святой старец Иосиф подрабатывал кое-что плотницким делом.

Словом, предметов для сопереживания сколько угодно. Сосредоточься на них; побудь там подольше. Наконец, проси позволения удалиться. Пусть тебя благословят на прощание: сначала мальчик Иисус, затем мать, потом Иосиф. А ты, прощаясь, встань на колени со слезами и великим сочувствием: ты покидаешь их бесприютными изгнанниками; им еще долго

⁴⁴ Greg., in Evang., hom. XXX, n. 2 (PL 76, 1221).

⁴⁵ Bern., de convers. ad cleric., c. VIII, n. 14 (LTR, 4, p. 88).

оставаться вдали от родины, целых семь лет жить на чужбине, в поте лица добывая свой хлеб.

Глава XIII. О возвращении Господа из Египта

Семь лет Бог прожил чужестранцем в Египте. И *вот, Ангел Господень во сне явился Иосифу и сказал: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца». Он встал, взял Младенца и Матерь Его и пришел в землю Израилеву. Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убо ялся туда идти; но, снова получив во сне откровение от Ангела, пошел в пределы Галилейские. И пришед поселился в городе, называемом Назарет* (Мф 2, 19–23). Вернулся же он в праздник Богоявления, во второй день, как написано в мартирологе⁴⁶.

Здесь ты видишь, – мы уже касались этого выше, – что Господь посылает утешения и откровения по частям, а не сразу, как нам бы хотелось. Во-первых, ангел является во сне, а не явно. Во-вторых, он говорит Иосифу, куда ему идти, за два раза, а не сразу. Глосса говорит, что Господь устроил так для того, чтобы два посещения дали ему больше уверенности⁴⁷. Как бы то ни было, нам следует понимать, что это события великие, и быть благодарными Богу, Который всегда делает так, как нам полезнее.

Теперь остановимся на возвращении Господа. Будь повнимательнее, не упускай ничего, потому что это предмет для весьма благочестивого размышления. Итак, возвращайся в Египет навестить мальчика Иисуса. Может быть, ты найдешь Его на улице среди детей; увидев тебя, Он побежит тебе навстречу, потому что Он мальчик добрый, приветливый и вежливый. Встань на колени, облобызай Его ноги, а потом обними Его и так постой с Ним тихонько некоторое время. Он, наверное, скажет тебе: «Нам разрешили вернуться на родину; завтра мы отправляемся. Ты вовремя пришла; пойдем с нами». Отвечай Ему не медля, что ты очень рада и что желаешь пойти с Ним, куда бы Он ни направился. Насладись беседой с Ним – самыми простыми разговорами. Я уже говорил тебе, что такие вещи, на первый взгляд детские и неважные, – самый ценный предмет для размышления. Позже именно они позволят тебе перейти к большему. Потом Он отведет тебя к матери, оказывая тебе ласковый и уважительный прием. Ты же встань на колени и поклонись ей и святому старцу Иосифу, и отдохни вместе с ними.

На другой день утром ты увидишь, как придут несколько добрых матрон из города и даже несколько мужчин проводить их до ворот и напоследок насладиться мирной и святой беседой с ними. Потому что они, конечно же, задолго объявили всем по соседству о своем уходе: неприлично было бы уходить оттуда потихоньку, как воры, никого не предупредив. Другое дело, когда они пришли в Египет: тогда они прятались, потому что боялись, что Младенца убьют.

Вот они отправляются в путь: впереди Иосиф с мужчинами, за ними, поодаль, Госпожа с матронами. А ты возьми Мальчика за руку и иди посередине, перед матерью, потому что она не пустит Его идти сзади. Вот выходят за ворота; Иосиф останавливается и прощается с провожающими. Быть может, кто-то из них, кто побогаче, сочувствуя их бедности, подзывает Мальчика и дает Ему несколько денариев на расходы. Мальчик пона чалу не решается их взять. Однако потом с любовью к бедности протягивает руку, робко принимает деньги и благодарит. Наверное, другие тоже дают ему денег. Потом Его зовут к себе матроны и поступают так же. Тут мать Его, наверное, стесняется не меньше Сына; но и она смиренно благодарит их.

Поистине, здесь ты можешь им посочувствовать: Владыка *земли и всей полноты ее* (Пс 23, 1) принимает подаяние для Себя и матери, чтобы прокормиться: столь тяжкую бедность

⁴⁶ Martyrologium Romanum, Rome, 1956 (в дальнейшем сокр. MR), p. 6.

⁴⁷ Gl. in Matth. 2, 19 (Здесь и далее глоссы по Biblia latina cum Glossa Ordinaria (A.Rusch), Strassburg, c. 1480).

Он избрал для Себя, в такой великой нужде прожил земную жизнь. Как просияла в них пресвятая бедность! Как они ее возлюбили, и какой пример дают нам для подражания!

Наконец, поблагодарив всех, они прощаются и трогаются в путь. Как одолеет обратную дорогу Иисус, ведь он до сих пор маленький ребенок? Мне кажется, что дорога назад для них тяжелее, чем был путь в Египет. Ведь тогда Иисус был совсем младенец, и Его можно было нести. Теперь Он уже слишком велик, чтобы Его нести, но слишком мал, чтобы пройти такой путь самому. Правда, кто-то из тех добрых людей, может быть, подарил или одолжил им ослика, чтобы Дитя могло ехать верхом. О, несравненное, нежное Дитя, Царь неба и земли, сколько Ты выстрадал за нас, и как рано начал! Хорошо сказал пророк от Твоего лица: «*Беден Я и в трудах от юности Моей*» (Пс 87, 16)⁴⁸. Нужду великую, труды тяжкие, скорби телесные Ты принимал на себя непрерывно; из любви к нам Ты Себя Самого словно возненавидел! Один тот труд, о котором у нас сейчас речь, несомненно, должен был быть достаточен для нашего искупления!

А ты возьми маленького Иисуса, посади Его на ослика, веди его осторожно, а когда Он захочет слезть, обними Его руками ласково и не сразу отпускай, поддержи так минутку, хотя бы пока подойдет Его мать – она, наверное, идет чуть медленнее. Малыш побежит к ней, мать Его подхватит, и усталость ее пройдет, словно она отдохнула.

Вот идут они, переходят пустыню, через которую пришли сюда; дорога трудна. Посочувствуй им: как мало они отдыхают. Посмотри на них: изнуренные, обессиленные, усталость не проходит ни днем, ни ночью. И вот близок уже конец пустыни; представь, что тут они встречают Иоанна Крестителя, который как раз тогда начал там свое покаяние, хотя ни в чем не был грешен. Говорят, Иоанн крестил на том самом месте на Иордане, где когда-то переходили реку сыны Израилевы, когда пришли через пустыню из Египта; а перед этим он недалеко от того самого места совершал в пустыне покаяние. Разве не могло быть так, что маленький Иисус, переходя через пустыню, встретил его там? И ты можешь поразмышлять об этом. Вообрази, как Иоанн им обрадовался; а они ненадолго сделали там привал, поели вместе с ним грубой и скудной пищи; телом отдохнули мало, но дух отдохнул и подкрепился безмерно; наконец, они распрощались с ним. А ты, когда придешь туда и когда будешь уходить, преклони колени перед Иоанном, облобызай ноги его, попроси благословения и препоручи себя ему. Ибо этот ребенок – с колыбели удивительный и выдающийся. Он ведь был первый отшельник, начало и путь всех, желающих вести монашескую жизнь. Он был человек чистейший, предсказатель величайший, был более чем пророк, и мученик был славный.

Потом они перешли Иордан и направились к дому Елизаветы. Там в их честь был устроен большой веселый праздник. Там же Иосиф услышал, что в Иудее царствует сын Ирода Архелай, и испугался, а во сне ему явился ангел, и они ушли в Галилею, в город Назарет.

Вот мы и вывели мальчика Иисуса из Египта. Когда Он вернулся, сбежались, наверное, сестры Госпожи и другие родственники и друзья навестить их. Сами они в Назарете мирно обитают, ведут тихую и бедную жизнь. С этого времени до двенадцатого года маленького Иисуса мы ничего ни у кого о Нем не читаем. Но некоторые рассказывают, и это похоже на правду, что в Назарете до сих пор есть источник, из которого мальчик Иисус носил воду матери. Конечно, смиренный Господь помогал матери и исполнял для нее и эту работу и другие: иных слуг у нее ведь не было.

Тут ты сможешь поразмышлять о том, как к ним, может быть, однажды пришел в гости Иоанн Евангелист со своей матерью, сестрой Госпожи; ему тогда было лет пять. В самом деле, мы читаем о нем, что он умер на шестьдесят седьмом году, считая от Страстей Господних, и было ему тогда девяносто восемь лет; значит, ко времени Страстей Господа ему был

⁴⁸ Синодальный перевод: «*Я несчастен и истаеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю*».

тридцать один год, а Господу тридцать три или чуть больше. А так как по возвращении из Египта Господу минуло семь лет, то Иоанну должно было быть пять. Итак, если даст тебе Господь, посмотри на них, как они стоят рядом и разговаривают. Ведь потом Иоанн стал тем учеником, которого Господь любил как родного.

Глава XIV. Как отрок Иисус остался в Иерусалиме (Лк 2)

Когда Он был двенадцати лет, пришел Он с родителями в Иерусалим, как предписывал обычай на праздник (Лк 2, 42), и оставался там восемь дней. Итак, Отрок Иисус еще раз взял на себя труд и прошел пешком долгий путь, чтобы почтить Отца Своего небесного на празднике Его: ибо между Отцом и Сыном была высочайшая любовь. Он радовался чести, воздаваемой Отцу, и внешнему веселью праздничной процессии, но еще больше скорбел, горевал и болел сердцем из-за бесчестия, наносимого Родителю скоплением многочисленных грешников. И вот Господь закона, соблюдая закон, проводил праздник в Иерусалиме, смиренно смешиваясь с толпой таких же бедняков. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались родители, остался Отрок Иисус в Иерусалиме (Лк 2, 43).

Здесь хорошенько сосредоточься: представь себе, как будто ты сама там присутствуешь, слышишь все, что говорят, и видишь все, что делается. Здесь ты найдешь чрезвычайно полезный предмет для благочестивого размышления. Я уже говорил тебе выше, в начале, что Назарет, где жил Господь, отстоит от Иерусалима на четырнадцать или пятнадцать миль, или около того. Когда мать и Иосиф, шедшие разными дорогами, пришли к вечеру в местечко, где собирались переночевать и где их должны были приютить, Госпожа увидела, что с Иосифом нет Мальчика, а она думала, что они ушли вместе. Она спрашивает: «Где ребенок?» А он отвечает: «Не знаю, Он уходил не со мной. Я думал, Он пошел с тобой». Она так расстроилась, что заплакала и, содрогаясь от рыданий, сказала: «Он пошел не со мной. Я вижу, что плохо смотрела за моим Сыном». И тотчас побежала по домам и, изо всех сил стараясь быть вежливой, ко всем стучалась, несмотря на поздний час, и у всех спрашивала: «Вы не видели моего Сына?» И от горя и страстного желания найти ребенка едва сама себя признавала. А Иосиф ходил за ней и плакал. Они Его не нашли. Как ты думаешь, могли они заснуть в эту ночь, особенно мать, которая любила Его так сильно? Наверное, знакомые ее успокаивали, но она была безутешна. Что значило для нее потерять Иисуса? Всмотрись в нее повнимательнее, поставь себя на ее место, посочувствуй ей от всей души, ибо она в беде: никогда со дня своего рождения она в такой беде не была. Так что не будем смущаться, когда попадаем в беду: даже собственную мать Господь от этого не избавил. Он допускает, чтобы бедствия поражали Его близких; они – знаки Его любви; они и нам на пользу.

Наконец Госпожа удалилась к себе в комнату, заперла дверь и принялась со слезами молиться: «О Боже, Отче вечный, всеблагий и всемилостивый, Тебе угодно было дать мне Сына Своего, но вот, я потеряла Его и не знаю, где Он. Верни Его мне, Отче, избавь меня от этого горя, покажи мне Сына моего. Обрати взор Ваш, Свой, на сокрушение сердца моего, а не на небрежение мое. Да, я вела себя беспечно, но я согрешила по неведению. По милосердию Своему верни мне Его, ибо без Него я не могу жить. О Сын мой возлюбленный, где Ты? Что с Тобой? У кого Ты нашел себе пристанище? Неужели ты вернулся к Отцу Своему на небеса? Я знаю, что Ты Бог и Сын Божий, но как же Ты мне ничего не сказал? А может быть, кто-то злонамеренно напал на Тебя и похитил? Я знаю, что Ты истинный человек, рожденный мною; однажды Ирод уже злоумышлял против Тебя, и я унесла Тебя в Египет. Да сохранит Тебя Отец Твой от всякого зла, Сын мой. Подай мне знак, Сынок, где ты, и я приду к Тебе, или Ты вернись ко мне. Прости меня на сей раз, и никогда больше не повторится такое, чтобы я за Тобой смотрела небрежно. Или я Тебя чем-то обидела, Сын мой? Из-за чего Ты ушел от меня? Я знаю, что Ты чувствуешь боль сердца моего. О Сын мой, приди ко мне поскорее. Никогда, со дня Твоего рождения и до сего дня, я не расставалась с Тобой, не ела без Тебя, не ложилась спать без Тебя; только сейчас. Но сейчас нет Тебя со мной, и я не

знаю, как это случилось. Ты знаешь, что Ты надежда моя, жизнь моя и все счастье мое; без Тебя я не могу жить. Так дай же мне знак, где Ты и как Тебя найти». Такими или подобными словами молилась мать и всю ночь горевала о своем возлюбленном Сыне.

На следующий день утром они вышли из дома чуть свет и принялись искать Его по всем окрестным селениям, потому что возвращаться в Назарет из Иерусалима можно было многими дорогами. Так, если кто из Сиены решит вернуться в Пизу, может пойти и через Подиум Боники, и через Колле, и через другие селения. Итак, весь день они обходили разные дороги, расспрашивая о Нем родных и знакомых, но и к вечеру не нашли Его. Мать теряла надежду и была безутешна в своем горе.

На третий день они возвратились в Иерусалим и нашли Его сидящим в храме среди ученых мужей. Мать, увидев Его, обрадовалась и словно вновь ожила; она пала на колени и со слезами благодарила Бога. А маленький Иисус, увидев мать, подошел к ней. Мать обнимает Его, гладит, целует, прижимается лицом к лицу, и, крепко сжав Его в объятиях, некоторое время молчит и не двигается: от радости и нежности она не могла говорить. Потом, взглянув на Него, спрашивает: «Сынок, почему ты с нами так поступил? Я и отец Твой горевали и искали Тебя». А Он в ответ: «Зачем вы искали Меня? Мне следует быть в доме Отца Моего». Они же не поняли сказанных Им слов (Лк 2, 48–49). Мать говорит Ему: «Сынок, я хочу, чтобы Ты вернулся с нами домой; или Ты не хочешь идти с нами?» Он ответил: «Я сделаю то, что вам будет угодно». И вернулся с ними в Назарет.

Ты видела, как переживала мать, потеряв ребенка. Но что делал в эти три дня ребенок? Посмотри внимательнее: вот Он вечером направляется в какую-то ночлежку для бедных, вежливо просит пустить Его переночевать, там ужинает и спит с другими бедняками – бедняк Иисус. Посмотри, вот Он сидит среди учителей: лицо спокойное, мудрое и почтительное. Вот Он слушает их и задает вопросы, словно невежда: Он это делает из смирения, чтобы они не начали восхищаться Его дивными ответами.

В описанном происшествии ты можешь отметить три чрезвычайно важных вещи. Первое: кто хочет быть с Богом, тот не должен оставаться среди родных; от них нужно уйти. Отрок Иисус, пожелав заняться делами Отца Своего, отослал от Себя возлюбленную мать. А позже, когда стали Его искать по всем родственникам и знакомым, Его там не оказалось. Второе: кто живет духовной жизнью, пусть не удивляется, если порой душа его будет суха и ему станет казаться, что Бог его оставил. Ведь такое случилось даже с матерью Божией. Так что пусть не ленится душой и не расслабляется умом, но усердно ищет Бога в святых размышлениях и неустанно творит добрые дела – и вновь обретет Бога. Третье: никто не должен руководствоваться собственным чувством или собственной волей. В самом деле, Господь сказал, что хочет заняться делами Отца Своего; тем не менее, Он переменил Свое решение и подчинился воле Своей матери и ушел с ней и с кормильцем Своим *и был в повиновении у них* (Лк 2, 51). Тут ты тоже можешь подивиться Его смирению, о котором полнее мы скажем ниже.

Глава XV. Что делал Господь Иисус с двенадцати лет до тридцати

Итак, когда Господь Иисус возвратился из храма и из Иерусалима со своими родителями в город Назарет, Он *был в повиновении у них* (Лк 2, 51) и жил там вместе с ними до тех пор, пока Ему не исполнилось тридцать лет. В Писаниях не сказано, чем Он занимался все это время. Это кажется весьма удивительным. Но стоит ли нам удивляться и пытаться вообразить себе, что Он за это время сделал? Оставался ли Господь Иисус столько времени праздным и за столько лет не сделал ничего достойного упоминания и записи? А если сделал, то почему об этом не написано, как записаны все прочие Его деяния? Словом, как ни поверни, выходит одно недоумение.

Однако подумай хорошенько, и ты сможешь ясно увидеть, что Он совершил великий подвиг, ничего не делая. В самом деле, во всяком Его поступке кроется тайна. Действовал и говорил Он всегда наилучшим образом, но так же блистательно Он молчал, бездействовал и уклонялся. Он, величайший Учитель, которому предстояло учить людей добродетели и направлять на жизненном пути, начал от самой юности Своей совершать деяния превосходные, но совершал Он их образом удивительным, неведомым и для прежних времен неслыханным, а именно, так, чтобы выставить Себя в глазах людей бесполезным, никчемным и глупым. Мы вправе так думать, не нарушая благочестия и не делая слишком смелых допущений. Ведь я, предлагая тебе эту тему для размышлений, не утверждаю ничего, что не одобрено авторитетом Священного Писания или святых учителей, как я уже говорил в начале.

Итак, Он уклонялся от общения и от беседы с людьми. Он ходил в синагогу, то есть в церковь. Оставался там подолгу на молитве, но садился на место самое непочетное. Возвращался домой и был там с матерью, иногда помогал своему воспитателю. По дороге туда и обратно проходил сквозь толпу людей так, словно людей не видел. Все удивлялись, замечая, что такой видный юноша ничего не делает, ничего похвального не совершает. Ведь от Него ожидали больших дел и достойных мужчины поступков. Пока Он был маленьким, *Он преуспевал в премудрости и возрастал в глазах Бога и человеков* (Лк 2, 51). Но когда он вырос, то с двенадцати лет до тридцати с лишним не совершил ни одного поступка, который люди могли бы оценить как достойное мужчины дело. Они сильно недоумевали и в конце концов стали над Ним смеяться, говоря: «Он бездельник, Он не от мира сего, Он человек никчемный, глупый и неразумный». Он ведь даже грамоте не учился, и про таких у народа вошло в поговорку: «велика Федора, да дура». А Он упрямо держался подобного образа жизни, так что сделался предметом всеобщего презрения и прослыл ничтожеством. Об этом, задолго до того, хорошо сказал Пророк, имея в виду Его: *«Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе»* (Пс 21, 7).

Ты видишь, что Он делал, когда ничего не делал? Он выставял себя в глазах всех окружающих презренным ничтожеством. Может быть, тебе это кажется пустяком? Его это, быть может, не заботило, но для меня важно доказать обратное. Так вот, я твердо уверен, что среди человеческих дел нет большего, я знаю, что нет подвига более трудного. Для меня очевидно, что на самую высокую ступень поднялся тот, кто достиг подобного: кто искренне, от чистого сердца, от души – а не надуманно – настолько победил себя, обуздал душу свою, подавил гордое высокомерие плоти своей, что не хочет считаться чем-то, кто согласен сносить презрение и слыть никчемным дураком. Это больший подвиг, чем брать города; об этом говорит Соломон: *«Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города»* (Притч 16, 32). Когда достигнешь этой ступени, увидишь ясно, что ты ничего не сделала. Ибо все мы поистине *никчемны*, по слову Господа (Лк 17, 10), даже если делали

все хорошо. А пока мы не достигли той ступени отвержения себя, мы не достигли и истины, и расхаживаем в ослеплении тщеславия и упорствуем в суете. Это ясно показал апостол, сказавший: *«Кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя»* (Гал 6, 3). Так вот, если ты спросишь, зачем Господь Иисус это делал, я тебе отвечу: не оттого, что Ему это было нужно, но для того, чтобы нам дать урок. Так что если мы не станем учиться, нам не будет извинения. К тому же это и само по себе отвратительно, если червь вытянется во весь рост и станет превозноситься; тем более, даже не червь, а будущая пища червей. И это при том, что Господь всякого величия Сам себя унижил и презрел.

А если кому-то все же кажется нелепым, что Он потратил столько времени попусту, ничего не делая, или что Евангелисты столько пропустили из Его деяний, и прочее в том же роде, – то можно ответить так: сделать себя образцом столь высокой добродетели и подавать всем ее пример – дело не пустое и не бесполезное; наоборот, наиболее полезное; оно есть верное и прочное основание всех добродетелей.

Однако, с другой стороны, в Евангелии от Иоанна Он сам говорит такие слова: *«Когда придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы с начала со Мною»* (Ин 15, 26–27), то есть вы тоже проповедники. А Петр при избрании святого Матфея Апостола говорит: *«Надобно, чтобы одни из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем»* и т. д. (Деян 1, 21–22). Но ко времени крещения Иисус, начиная свое служение, был лет тридцати (Лк 3, 23); а сам Иоанн не смог бы стать Его предтечей, если бы Господь Иисус начал проповедовать раньше него. Если бы Иисус начал проповедовать раньше, тогда Он не мог бы остаться в неизвестности: за столько лет Он наверняка стал знаменит в округе. Не зря же земляки Его гово рили о Нем: *«Разве Он не плотников сын?»* (Мф 13, 55), а ведь потом товарищи прозвали Его *«Сыном Давидовым»* (Мф 21, 15).

Однако, опять-таки, если Он раньше тридцати лет начал проповедовать, или совершил еще что-то примечательное, то об этом должно было быть написано, если не обо всем, то хоть о чем-то: не могли бы все Евангелисты совершенно умолчать об этом.

Затруднение, о котором я говорю, ощущал, по-видимому, и святой Бернард; я вернусь к нему ниже и постараюсь разобраться, опираясь на самый высокий авторитет⁴⁹. Но что бы там ни было на самом деле, я считаю, что для благочестивых размышлений очень хорошо представлять себе дело именно так: Господь Иисус выглядел в глазах людей никчемным бездельником и тем ковал Себе меч смирения, как было сказано Ему через Пророка: *«Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный»* (Пс 44, 4). Нет более славного меча, чем меч смирения, и каким еще мечом подобало умертвить гордого противника? Мы нигде не читаем, чтобы Господь пользовался мечом Своего величия. Скорее наоборот, особенно в то время, когда Ему больше всего нужна была сила – во время крестных Страстей. Тот же Пророк сетовал на Отца из-за Сына, говоря: *«Ты не дал Ему меч и не помог Ему в битве»* (Пс 88, 44). И выходит все правильно: Господь Иисус действительно начал прежде *делать*, а потом *учить* (Деян 1, 1); ведь Ему предстояло сказать: *«Я кроток и смирен сердцем»* (Мф 11, 29). Вот Он и хотел сначала это сделать, и сделать не ложно, а по-настоящему, от сердца, ибо Он был от сердца смирен и кроток. Не может быть, чтобы Он притворялся; скорее, наоборот: он настолько утверждался и углублялся в смирении, унижении и отвержении Себя, настолько уничтожал Себя в общественном мнении, что когда потом начал проповедовать и говорить вещи возвышенные и божественные, да что там – когда начал творить чудеса и дивные и

⁴⁹ См. гл. 16.

великие дела, Его не зауважали, а еще больше стали презирать и высмеивать, говоря: *«Кто он такой? Не плотников ли сын?»* (Мф 13, 55), – и иное в том же духе, издевки и поношения.

Если мы именно так станем понимать дело, то оправдается слово апостола: *«Уничжил Себя Самого, приняв образ раба»* (Флп 2, 8): не раба вообще, через воплощение, а негодного раба, через смиренное и униженное поведение.

Хочешь сама убедиться в том, что именно этим мечом Он решил препоясаться? Рассмотрим внимательно все Его деяния, одно за другим: в каждом сияет свет смирения. Ты уже видела его отсвет в событиях, о которых мы размышляли выше; припомни их хорошенько. Ты будешь видеть его и впредь, в каждом из событий, о которых мы будем размышлять, и свет этот будет все усиливаться: Он сохранил верность смирению вплоть до смерти, и даже после смерти, более того – и после вознесения. Разве в конце пути Он не умыл ноги ученикам? Разве Он не унижился несказанно, перенеся крестную муку? Разве, явившись в славе после воскресения, Он не называл учеников по-старому – «братья»? *«Иди, – сказал Он Марии Магдалине, – и скажи братьям моим: Я восхожу к Отцу моему и Отцу вашему»* (Ин 20, 17). Разве уже после вознесения Он не заговорил с Павлом смиренно, как с равным: *«Савл, Савл! что ты гонишь Меня?»* (Деян 9, 4), и не назвался Богом, но сказал просто «Меня»? Разве, сидя одесную Отца на престоле величия Своего Он не скажет в судный день: *«Что вы сделали одному из сих братьев Моих меньших, Мне сделали»* (Мф 25, 40)?

Не без причины Он так сильно возлюбил эту добродетель. Он знал, что как гордость – основание всякого греха, так смирение – основание всякого блага и спасения. Без этого основания тщетно возводится здание. Без смирения нельзя утвердиться и преуспеть ни в девстве, ни в бедности, ни в какой добродетели и ни в каком деле. Его-то Он и явил нам, то есть показал, как можно стяжать его, а именно: через унижение и отвержение себя в собственных глазах и в глазах других и через постоянное упражнение в делах смирения.

Итак, *иди, и ты поступи так же* (Лк 10, 37), если хочешь стяжать смирение. Для этого надо сначала унизиться, то есть не ставить себя ни во что и терпеть, чтобы другие тебя не ценили; затем надо упражняться в делах низких и в глазах общества не уважаемых. Бернард говорит об этом так: «Смирение, к которому приводит унижение, есть основание всей духовной постройки. Унижение – путь к смирению, как терпение – путь к миру, как чтение – путь к знанию. Если желаешь стяжать добродетель смирения, не уклоняйся с пути унижений. Ибо, если ты не можешь унизиться, то не сможешь и достичь смирения»⁵⁰. И в другом месте: «Кто пытается подняться выше, не должен высоко помышлять о себе. В противном случае, возносясь, он может пасть ниже себя, если не утвердится прочно на основании подлинного смирения. Великое нельзя приобрести иначе, как ценой смирения: потому что устремившийся вверх унижается, терпя неудачи и нападки, а унижением приобретает заслугу, которой платит за подъем. Так что, если ты видишь себя униженным, знай: это добрый знак; это вообще всегда свидетельство приближения благодати. Ибо как *перед крушением возносится сердце* (Притч 16, 18), так перед вознесением унижается. Ты же, наверное, сам читал⁵¹, что *Бог гордым противится, а смиренным дает благодать* (Иак 4, 6)»⁵². И чуть дальше: «Нам кажется, что если бы Бог Сам унижил нас, нам это было бы нипочем; мы бы даже с радостью это приняли. А если Он унижает нас через других, какая разница? Надо это принимать так же. Дивный пример подает тебе в этом деле святой Давид. Однажды раб злословил его, но он не почувствовал обиды, потому что предчувствовал благодать. *«Что мне, – сказал он, – и вам, сыны Саруины?»* (2 Цар 16, 10). Поистине, вот человек по сердцу

⁵⁰ Bern., epist. LXXXVII, n. 11 (LTR, 7, p. 230).

⁵¹ Автор нашего трактата обращается к девушке-монахине, а св. Бернард в многочисленных цитатах – к брату-монаху. От этого обращение к читателю меняет род – то женский, то мужской.

⁵² Bern., Cant., serm. XXXIV, n. 1 (LTR, 1, 246).

Божью (Деян 13, 22): он готов был рассердиться скорее на того, кто хотел за него отомстить, чем на того, кто обругал его. Потому и мог сказать с чистой совестью: «*Я спасал даже того, кто без причины ополчался на меня*» (Пс 7, 5)⁵³.

Ну вот, о добродетели смирения пока достаточно.

Вернемся в Назарет и посмотрим, что делает и как живет Господь Иисус, наше зеркало, ибо это наша главная задача. Не забудь представить себе, что ты сама там при всем присутствуешь, как я не раз тебе говорил. Вглядишься в эту маленькую семью, благословенную превыше всех прочих; в высокой бедности она ведет низкую и смиренную жизнь. Блаженный старец Иосиф зарабатывал, сколько мог, плотницким ремеслом. Госпожа за плату трудилась иглой и веретенком. Делала она и все прочие работы по дому, а их много, как ты прекрасно знаешь: готовила еду мужу и Сыну, убирала, стирала, потому что служанки у нее не было. Поставь себя на ее место, почувствуй, сколько ей приходилось работать руками. И на место Господа Иисуса: ведь Он ей помогал всем, чем мог, и верно трудился. Ибо Он, как Он сам говорит, *пришел послужить, а не для того, чтобы Ему служили* (Мф 20, 28). Наверное, Он помогал накрывать на стол, стелить постели и делать прочие незаметные домашние дела. Посмотри, как смиренно Он выполняет все низкие надобности по дому, но и на Госпожу смотреть не забывай. Смотри, как они изо дня в день едят втроем за одним столом; едят не лакомства и разносолы, а бедный трезвый обед; как они потом разговаривают: их речи не пустые и праздные, они полны мудрости и Святого Духа. Это трапеза ума не меньше, чем подкрепление тела. Разойдясь после обеда, каждый становится на молитву в своей спальне: дом у них не просторный, а маленький. Поразмышляй о них, находящихся в их тесных спальнях. Посмотри, как Господь Иисус вечером после молитвы укладывается на земляном полу – каждую ночь в течение многих лет – так смиренно, так неудобно, как последний бедняк из народа. Заставь себя, постарайся вьяве увидеть Его в этом положении – тебе бы надо делать это каждый вечер.

О Боже непостижимый! (Ис 45, 15). Для чего Ты так истязал это невиннейшее тело? Одного такого ночлега должно было хватить для искупления целого мира. Тобою двигала безграничная любовь, Ты горел рвением спасти заблудшую овцу (Лк 15, 6) и отнести ее на Своих плечах на небесные пастбища. Ты, Царь царей и Бог вечный, утоляешь всякую нужду, в изобилии даешь всем все нужное, чего требует устройство всякой твари – но для себя Ты предназначил иное: сам Ты столько долгих лет соблюдал такую бедность, терпел такую нужду, нес такие тяготы – бодрствуя и ложась спать, постясь и трапезуя, и во всех прочих Твоих делах. Где вы, ищущие телесного покоя, желающие красивого, интересного, разнообразного? Если мы стремимся к подобным вещам, значит, мы учились в школе не у этого Учителя. Но неужели же мы мудрее Его? Сам Он учил нас словом и примером смирению, бедности, притеснению тела и труду. Так последуем же за верховным Учителем: Он не желает нас обманывать, да и не может лгать. *Имея, – по учению апостола, – пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим 6, 8), сообразуясь с необходимостью, не с преизобилием, и прилежа постоянно, непрерывно, бодро упражнению во всех прочих добродетелях и духовной науке.

⁵³ Ibid., n. 2.

Глава XVI. О Крещении Господа Иисуса (Мф 3; Ин 1)

Когда Ему исполнилось двадцать девять лет, которые Он прожил в тяготах и презрении, Господь Иисус говорит матери: «Пора Мне идти, да объявлю и прославлю Отца Моего, и покажу Себя миру, и исполню дело спасения душ, для которого Отец Мой Меня сюда послал. Не печалься, Моя добрая мать, что скоро покину тебя». И встав на колени, Учитель смирения просил благословить Его. Она тоже преклонила колени и со слезами обняла Его и сказала с великой нежностью: «Сын мой благословенный, иди, и да будет с Тобой благословение Отца Твоего и мое. Помни обо мне и возвращайся поскорее».

Так почтительно простившись с нею и с воспитателем своим Иосифом, Он пустился в путь из Назарета в сторону Иерусалима к Иордану, где крестил Иоанн. Это место было в восемнадцати милях от Иерусалима.

Господь мира идет один: учеников у Него еще не было. Посмотри на Него внимательно: вот Бог идет один, босиком по таким длинным дорогам; поставь себя на Его место и по сочувствуй Ему изо всех сил. О Господи, куда Ты идешь? Разве Ты не выше всех царей земли? О Господи, где же Твои бароны и графы, герцоги и воины, лошади и верблюды, слоны и колесницы, возницы и слуги, и вся пышная свита? Где Твое сопровождение, где охрана, как принято у прочих царей и больших людей? Где трубный звук, барабанный бой, где царские знамена? Где квартиреры, скачущие вперед приготовить ночлег и все удобства? Где почетная стража, торжественная процессия, без которых не обходимся мы, мелкие черви? Господи, разве не полнятся небеса и земля славой Твоей? Что же Ты идешь так бесславно? Разве не Тебе служили тысячи тысяч и предстояли тьмы тем (Дан 7, 10)? Отчего же Ты шагаешь в таком одиночестве, стирая босые ноги о землю? – Ты еще не в царствии Твоем, вот в чем причина, по-моему: ибо *царствие Твое не от мира сего* (Ин 18, 36). Ты *уничжил Себя Самого, приняв образ раба* (Флп 2, 7), не царя. Ты сделался, как один из нас, *странник и пришлец, как все отцы наши* (Пс 38, 13). Ты сделался рабом, дабы мы сделались царями. Ибо Вы пришли, чтобы ввести нас в царствие Твое, и на наших глазах пролагаете путь, которым мы можем взойти в Твое царствие.

Только отчего мы не хотим замечать этот путь? Отчего не следуем за Тобой? Отчего не смиряем себя? Отчего так жадно рвемся к почестям и знакам отличия, так цепко держимся тлена и суеты? Конечно, оттого, что наше царство от мира сего; мы не желаем видеть себя пришлецами и странниками, и потому вновь и вновь терпим бедствия. О суетные сыны человеческие! Отчего мы принимаем ложь за истину, призрак за реальность, шаткое за прочное, временное за вечное, отчего избираем их и так пылко рвемся обладать ими? Без сомнения, Господи Благий, если бы нам удалось всей душой и умом устремиться к Царствию Вашему, если бы мы помнили, что *наше жительство – на небесах* (Флп 3, 20), если бы твердо были убеждены, что *мы пришельцы и странники* (1 Пар 29, 15), мы легко бы за Тобой последовали. Из этих видимых вещей мы взяли бы лишь необходимое и налегке *побежали бы за ароматом масел Твоих* (Песн 1, 2–3). Нас не обременял бы груз и не задерживал бы обоз; все преходящее мы с легкостью презрели бы как уже прешедшее.

Итак, вот шагает Господь Иисус смиренно, долгими переходами, пока не достигает Иордана. Когда же Он пришел к Иордану, нашел там Иоанна, крестящего грешников, и многолюдную толпу сбежавшихся отовсюду послушать его проповедь. Для них он был как бы Христос. Господь Иисус сказал ему: «Прошу тебя, окрести Меня вместе с ними». Иоанн взглянул на Него и узнал Его духом, и испугался и отвечал почтительно: «Господи, мне надобно креститься от Тебя» (Мф 3, 14). Но Иисус сказал ему в ответ: «Оставь теперь: ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф 3, 15). Не говори так, не открывай

Меня народу, ибо еще не пришло Мое время. Но крести Меня. Ибо сейчас время смирения, и Я желаю исполнить всякое смирение».

Обрати здесь внимание на смирение – именно здесь уместно порассуждать о нем. Ты должна знать, что у смирения есть три ступени, как говорит нам глосса к этому месту. Первая ступень – подчиняться большему и не превозноситься перед равным. Вторая ступень – ставить себя ниже равного и не считать себя больше меньшего тебя. Третья и высшая ступень – ставить себя ниже меньшего. На эту ступень здесь встал Христос и тем исполнил всякое смирение. Ты видишь, насколько возросло Его смирение по сравнению с прежним нашим примером. Здесь Он поставил Себя ниже раба, Себя унизил, а раба Своего оправдал и возвеличил. И в другом отношении выросло Его смирение. Подумай сама: до сих пор Он вел Себя смиренно, как бесполезный и ничтожный человек, а здесь Он пожелал явиться грешником. Ибо грешникам проповедовал Иоанн покаяние, грешников крестил, и господь Иисус пожелал креститься вместе с ними и у них на глазах. Бернард говорит об этом так: «Смешавшись с народными толпами, Он пришел к Иоанну креститься. Пришел как один из народа Тот, кто *единственный был без греха* (Ин 8, 7). Кто поверил бы, что Он – Сын Божий? Кто принял бы Его за всемогущего Бога? Слишком сильно смирил Ты Себя, Господи, слишком глубоко скрыл под покровом смирения. Но от Иоанна Ты утаиться не сможешь»⁵⁴. Вот что пишет Бернард.

Можно, конечно, то же самое сказать и об обрезании – что и там Он хотел явиться грешником. Однако здесь больше, потому что здесь – перед толпой народа, а там было втайне от посторонних глаз.

Но ведь Он намеревался вскоре Сам приняться за проповедь; разве не стоило опасаться, что Его не станут слушать как грешника? Но нет: Учитель смирения не стал из-за этого уклоняться от глубочайшего унижения. Он Сам захотел явиться тем, чем не был, презренным и отверженным, чтобы наставить нас.

А мы, наоборот, хотим казаться тем, чем на деле не являемся, чтобы нас хвалили и славили. Если в нас, как нам кажется, есть что-то хорошее, мы выставляем его напоказ, а недостатки скрываем, потому что мы дурные грешники. В чем наше смирение? Послушай на этот счет не меня, а Бернарда: «Есть смирение, которое создает и разжигает любовь; и есть смирение, которое рождает в нас истина; в нем нет жара. Первое – чувство, второе – познание. Если ты заглянешь внутрь себя при свете истины и без притворства, если станешь судить о себе беспристрастно, ты, без сомнения, смиришься. Истинное самопознание делает тебя ничтожным в твоих глазах, хотя в глазах других ты, наверное, еще не сможешь вытерпеть презрения. Внутренняя работа истины делает тебя смиренным, но этого недостаточно; нужен еще прилив любви. Истина показала тебе тебя самого правдиво и здраво, просветив тебя словно вспышкой молнии; если бы так же тебя воспламенила любовь, ты, несомненно, захотел бы, чтобы все увидели тебя таким, каков ты есть, и думали о тебе так же, как ты сам, ибо это – истина. Впрочем, когда я говорю «каков ты есть», я не имею в виду все, что есть в тебе: часто бывает бесполезно рассказывать всем все, что мы сами о себе знаем. Сама истина любви и любовь к истине запрещает нам обнажать то, что повредит ближнему; иногда ему лучше остаться в неведении.

Однако если ты, скованный любовью к себе, станешь держать при себе истинное о себе суждение, то всякому ясно, что ты меньше любишь истину, предпочитая ей собственные удобства и почет от окружающих»⁵⁵. И ниже: «Если душа твоя не спит, то рано или поздно Истина, обследовав сердце твое и самые потайные закоулки внутри тебя, заставит тебя понять, кто ты есть на самом деле. Тогда ты станешь смирен – внутренним, принуди-

⁵⁴ Bern., Epiph., serm. I, n. 6 (LTR, 4, p. 299).

⁵⁵ Bern., Cant., serm. XLII, n. 6 (LTR, 2, p. 36–38).

тельным смирением. Приложи волю, сделай из нужды добродетель, потому что не бывает добродетели без участия воли. Только тогда тебе захочется и снаружи выглядеть таким, каким ты видишь себя изнутри. В противном случае бойся, как бы не сбылись о тебе слова Писания: «Он льстит себе в глазах своих, будто отыскивает беззаконие свое, чтобы возненавидеть его (Пс 35, 3). Неодинаковые весы, неодинаковая мера – мерзость пред Господом» (Притч 20, 10). – Ведь что же получается? Втайне, про себя, ты, взвешенный на весах истины, оцениваешь себя низко, – а открыто ты лжешь нам всем, норовя продать себя нам дороже, чем ты стоишь, а ведь ты сам знаешь себе истинную цену. Побойся Бога, оставь это мерзкое дело, не надо, чтобы воля возносила того, кого унизила истина. Ибо это значит противиться истине, воевать против Бога. Лучше обрети покой в Боге, подчинись истине, и не просто подчинись – полюби ее. *Неужели Богу не покорится душа моя?* (Пс 61, 2)⁵⁶. Но мало подчиниться Богу; ради Бога надо подчиняться и всякой твари человеческой: аббату как начальнику, приорам как им поставленным. Я тебе больше скажу: подчиняться надо не только вышестоящим; подчинись равным, подчинись меньшим. *Ибо так*, – сказал Он, – *надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф 3, 15). Пойди и ты к меньшим, если хочешь стать совершенным праведником, поставь себя ниже низшего, слушайся младшего⁵⁷.

И еще пишет Бернард: «Кто праведен, кроме смиренного? Когда Господь склонился под руку раба Своего Крестителя, а тот побледнел от страха перед Его величием, Он сказал ему: “*Оставь: ибо так надлежит нам исполнить всякую правду*” (Мф 3, 15). Тем самым Он установил, что совершенство праведности – в совершенном смирении. Значит, праведен смиренный⁵⁸. Вот что пишет Бернард.

Как проявляется праведность в смиренном? А так: он воздает каждому свое, что ему следует по праву⁵⁹. Он не присваивает чужого, чтит Бога, а себя ни во что не ставит. Ты лучше поймешь это, если сравнишь его с человеком, неправедно превозносящимся: тот приписывает благие дары Божьи себе самому. О таких Бернард говорит: «Из великих благ обычно рождается зло. Когда мы награждены исключительными благами Господними, мы пользуемся дарами, словно они не дарованные, а наши, и не воздаем хвалу Богу. Вот почему люди, которые у нас считаются самыми великими по полученным ими дарованиям, у Бога считаются самыми малыми – они больше всех не вернули того, что было им дано. Впрочем, это я вас щажу. Я воспользовался более мягкими словами: “великие” и “малые”. Но я не выразил того, что на самом деле думаю. Я смягчил разницу, я и обнажу ее: я должен был сказать “лучшие” и “худшие”. Поистине, человек тем хуже, чем он лучше, если то, в чем он лучше других, он приписывает себе: это, без сомнения, хуже всего. Другой, может быть, скажет: “Ладно, признаю, *благодатию Божию емь то, что емь* (1 Кор 15, 10)”; но при этом будет стараться захватить себе славу за дарования, полученные по благодати. Разве он *не вор и не разбойник?* (Ин 10, 1). Пусть услышит, ему сказано: “*Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!*” (Лк 19, 22). Раб, который узурпирует себе славу господина своего – разве он не лукавейший?»⁶⁰ Это был Бернард.

Теперь ты видишь, почему совершенная праведность состоит в смирении. Оно не крадет честь у Бога и не приписывает себе того, чего не следует. И ближнего оно не обижает: смиренный не судит о ближнем и ни перед кем не превозносится. Он почитает себя меньше всех и выбирает себе последнее место. Об этом тот же Бернард так пишет в тридцать седь-

⁵⁶ Синодальный перевод: «Только в Боге успокаивается душа моя: от Него спасение мое».

⁵⁷ Bern., Cant., serm. XLII, n. 8 (LTR, 2, p. 38).

⁵⁸ Bern., Cant., serm. XLVII, n. 7 (LTR, 2, p. 65).

⁵⁹ Определение справедливости, данное в первой строке Юстинианова кодекса Римского права: *jus est voluntas suum cuique tribuens*. Латинское *iustitia* переводится на русский и как «праведность», и как «справедливость».

⁶⁰ Bern., Cant., serm. LXXXIV, n. 2 (LTR, 2, p. 303–304).

мой главе: «Как знать, человеке, может быть, тот, кого ты считаешь самым жалким ничтожеством, чья жизнь тебе кажется исключительно подлой и гнусной, от кого ты отшатываешься с отвращением, кого, по-твоему, нельзя не презирать не только такому человеку, как ты – а ты уверен, что живешь *целомудренной, праведной и благочестивой жизнью* (Тит 2, 12) – но даже всяким мерзким преступникам, потому что он преступнее всех – как знать, повторяю, может быть, он, *по мановению десницы Всевышнего* (Пс 76, 11), окажется лучше и их, и тебя; а может быть, он уже живет в Боге истинном? Потому что Бог пожелал, чтобы мы выбирали себе место не в середине, не предпоследнее, даже не одно из последних. Нет, Он сказал: «*Садись на последнее место*» (Лк 14, 10). Сиди на самом последнем месте один, и не только не ставь себя выше кого бы то ни было, но и думать не смей сравнивать себя с кем-то»⁶¹.

Разнообразные достоинства этой добродетели смирения пере числяет нам тот же Бернارد, и к его авторитетному мнению стоит прислушаться. В восьмьдесят пятой главе он говорит: «Смирение – великая мать и возвышенная добродетель.

Ему в школе не учат, но блажен, кто его получит; ему нельзя научиться, но его стоит добиться. Оно не учено и ничего не может объяснить от себя своими словами – но все может постичь силой Слова и в Слове. Почему? – Потому что оно – не заслуга, но *благоугодно Богу* (1 Ин 3, 22) и мило в глазах Отца и Слова, Жениха души, Господа нашего Иисуса Христа, который есть *всевышний Бог, благословенный вовеки* (Рим 9, 5)»⁶².

И еще: «Смирение есть добродетель, дающая человеку самое истинное познание себя самого, так что он перестает ценить себя дорого»⁶³. А в беседе на Рождество Господне он же пишет: «Одной добродетели смирения достаточно для восстановления разрушенной любви»⁶⁴. И еще в письме к Генриху: «Одно смирение никогда не хвалится, не умеет превозноситься, ни с кем не соревнуется. Истинно смиренный не упорствует в суждении и не настаивает на своей правоте»⁶⁵. Кроме того, смирение примиряет нас с Богом, оно угодно в нас Богу. Вот слова Бернарда из проповеди на ниспослание Гавриила: «Добродетель смирения всегда близка и родственна Божией благодати»⁶⁶.

По благодати Божией благочестие обычно способствует хранению смирения, так что чем больше кто в нем преуспевает, тем меньше считает себя преуспевающим. Духовное упражнение устроено так, что если кто взойдет на высшую ступень, у него обязательно останется что-то, в чем он на самой первой ступени не достиг совершенства, так что ему самому будет казаться, что он и первой ступени не освоил.

Бернард говорит там же: «Прекрасно сочетание девства и смирения. Весьма угодна Богу та душа, в которой смирение венчает девство, а девство украшает смирение. Но какого почета, по-твоему, достойна та, у кого плодовитость возвышает смирение, и рождение детей освящает девство? Когда слышишь «девство», понимай: «смирение». Если ты смиренна, но не можешь оставаться девой, подражай смирению девы. Девство – похвальная добродетель; смирение – необходимая. Стяжать первую нам советуют, вторую – предписывают. К первой тебя приглашают, ко второй принуждают. О девстве сказано: «*Кто может вместить, да вместит*» (Мф 19, 12). А о смирении: «*Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное*» (Мф 18, 3). Первая вознаграждается, вторая требуется. Одним словом, без девства ты можешь спастись, без смирения не можешь. Я так скажу: смирение, оплакивающее утраченное девство, может быть угодно Богу; без смирения даже девство Марии, осмелюсь

⁶¹ Bern., Cant., serm. XXXVII, n. 7 (LTR, 2, p. 13).

⁶² Bern., Cant., serm. LXXXV, n. 14 (LTR, 2, p. 316).

⁶³ Bern., de duod. grad. humilit., c. 1, n. 2 (LTR, 3, p. 17).

⁶⁴ Bern., Nat., serm. II, n. 6 (LTR, 4, p. 256).

⁶⁵ Bern., epist. XLII (LTR, 7, p. 120–121).

⁶⁶ Bern., super Missus est, serm. IV, n. 9 (LTR, 4, p. 54).

думать, было бы Богу противно. «*На кого, – сказал Он, – Я призрю? – На смиренного и сокрушенного духом*» (Ис 66, 2). Не будь Мария смиренна, на ней не почил бы Дух Святой. А не почил бы – она бы не понесла во чреве. Потому что без Него как бы она зачала от Него? Чтобы она зачала от Духа Святого, – а она сама так говорит, – надо было, чтобы *призрел Господь на смирение рабы своей* (Лк 1, 48); на смирение, а не на девство. Значит, смирение – причина того, что девство стало угодно Богу. Что гордишься, высокомерная дева? Мария и не помнит о своем девстве; ее славят за смирение. А ты смирением пренебрегаешь и льстишь себе, что ты дева. *Призрел Господь на смирение рабы своей*. – Но какова эта раба? – Дева святая, дева рассудительная, дева благочестивая. Разве ты чище ее? Или благочестивее? Или ты думаешь, что ты настолько девственнее Марии, что тебе хватит одной чистоты без смирения, чтобы стать угодной Богу, хотя даже Марии одной чистоты было недостаточно? Да, целомудрие заслуживает почета. Но, чем большего уважения к себе ты ждешь за него, тем больше ты себе вредишь: Бог даровал тебе прекрасный наряд чистоты, а ты пачкаешь его гордыней»⁶⁷.

А в послании к Генриху Бернард говорит: «Любовь к ближнему, целомудрие и смирение – наряд не цветной, но прекрасный; настолько прекрасный, что и Богу смотреть на него приятно. Что прекраснее целомудрия? Оно делает *чистым рожденного от нечистого семени* (Иов 14, 4), делает врага другом, а человека – ангелом. Конечно, между ангелом и стыдливым человеком остается кое-какая разница, но только в степени блаженства, не в добродетели. Более того: пусть ангельское целомудрие безмятежнее, зато человеческое требует большего мужества. Здесь и сейчас, где все подчинено смерти, одно целомудрие хоть как-то представляет славу бессмертия. Здесь, среди свадебных торжеств, оно одно хранит память о той блаженной стране, *где не женятся и не выходят замуж* (Мф 22, 30); оно одно отвоевало себе чистое место и может дать хоть какой-то опыт небесного общения. Мы носим хрупкий *сосуд* и ежечасно рискуем разбить или осквернить его; целомудрие *соблюдает* наш *сосуд в святости* (1 Фес 4, 4), словно наполняет его благоуханным бальзамом, в котором трупы сохраняются, не разлагаясь. Оно хранит наши пять чувств и наши телесные члены здоровыми и бодрыми: не дает им разлагаться в праздности, портиться в вожделениях, протухнуть в плотских наслаждениях». И чуть дальше: «Но, какой бы чудной красотой ни отличалось целомудрие, без любви оно ничего не стоит. И не удивительно. Без любви какое благо? Вера? – Нет, даже если она двигает горы. Знание? – Нет, даже если оно говорит языками ангельскими. Мученичество? – Нет, ибо *если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор 13, 3). Без нее никакое благо не благо, а с ней любая мелочь обретает ценность. Целомудрие без любви – светильник без масла. Нет масла – светильник не горит. Нет любви – целомудрие не угодно Богу». И еще подальше, в середине письма: «Из трех добродетелей, о которых у нас зашла речь, одно смирение заслуживает целого трактата, ибо оно – основа. Оно настолько необходимо для двух других, что без него обе они даже и не добродетели. Только смирение дает стяжать чистоту или любовь, потому что только *смирненным Бог дает благодать* (Иак 4, 6). Помогает смирение и сохранить приобретенные добродетели, потому что только на смиренном и кротком *почивает Дух* (1 Петр 4, 14). А сохраненные добродетели смирение возводит до совершенства, потому что *добродетель достигает совершенства в немощи* (2 Кор 12, 9)⁶⁸, то есть в смирении. Гордость – врагиня всякой благодати, начало всякого греха (Сирах 10, 15); ей Бог противится и изгоняет от Себя и от прочих добродетелей ее гордую тиранию. Гордость хитра: она наращивает свои силы, питаясь всем, что есть хорошего в человеке. Защитить добрые качества может лишь смирение; оно – их единственный оплот, крепостная башня добродетелей; оно храбро

⁶⁷ Bern., super Missus est, serm. I, n. 5–6 (LTR, 4, p. 17–18).

⁶⁸ *Virtus in infirmitate perficitur.* – Синодальный перевод: «Сила совершается в немощи».

отбивает нападения гордыни, оно одно противостоит самонадеянности»⁶⁹. Вот что пишет Бернард.

Много прекрасного о смирении есть для тебя в этом трактате правдивейшего и смиреннейшего Бернарда. Постарайся понять умом и исполнить на деле то, что он говорит о нем и о других добродетелях. А мы теперь вернемся к крещению Господа.

Итак, увидев волю Господа, Иоанн послушался и крестил Его.

Здесь ты помедли и хорошенько присмотришься к Нему. Господь величия раздевается, как любой маленький человек, и погружается в ледяную воду – время года-то самое холодное. Из любви к нам Он совершает дело нашего спасения, устанавливая таинство крещения и смывая водой наши преступления. Он обручается вселенской Церкви и каждой верной душе в отдельности. Ибо в крещении веры мы обручаемся Господу Иисусу Христу, как говорит Пророк от лица Его: «*И обручу тебя Мне в верности*» (Ос 2, 20). И в этом дивном деле вся Троица явила Себя особенным образом, и сошла на землю, и Дух Святой покоился на Нем в образе голубя, и голос Отца раздался: «*Сей есть сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение*» (Мф 3, 17).

Об этом месте Бернард пишет: «Сказано: “*Слушайте Его*” (Мф 17, 5). Вот, Господи Иисусе, хоть теперь Ты заговоришь. *Доколе Ты будешь молчать? Доколе будешь скрываться?* (ср. Иов, 3, 26)⁷⁰. Ты долго молчал, очень долго. Но вот, наконец, Отец разрешил Тебе говорить. Отчего Ты, *Сила Божья и Божья Премудрость* (1 Кор 1, 24), так долго скрываешься в народе, словно какой-то ничтожный глупец? Отчего Ты, благородный Царь и Царь небесный, так долго позволяешь звать Тебя сыном плотника и обращаться с Тобой как с сыном плотника (Мф 13, 55)? Вот евангелист Лука свидетельствует: до сих пор все считали Его сыном Иосифа (Лк 3, 23). О смирение Христово, как ты смущаешь гордыню моего тщеславия! Я мало знаю, хоть и кажется мне, что знаю больше; но молчать не могу. Бесстыдно и неразумно я всюду появляюсь, всюду выступаю, всегда готов учить, *скор на слова, медлен на слышание* (Иак 1, 19). А Христос столько времени молчал, Себя скрывал, неужели Он боялся *суетной славы* (Флп 2, 3)? Ему-то что было бояться пустой славы, когда Он есть истинная Слава Отца? – Да, боялся, но не за Себя. Боялся за нас, ибо знал, что нам суетная слава опасна. За нас тревожился, нас наставлял: устами молчал, учил делом. Чему позже стал учить словом, заранее объявлял своим примером: “*Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем*” (Мф 11, 29). Я ничего не слышу о детстве Господа; от детства Его до нынешнего Его тридцатого года ничего не нахожу о Нем. Но отныне Он не может более скрываться – Отец открыто объявил о Нем»⁷¹. – Это был Бернард.

Вот авторитетное подтверждение того, о чем я тебе говорил в предыдущей главе: что Господь Иисус смиренно молчал для того, чтобы научить нас. Видишь, повсюду здесь веет смирением. Я с удовольствием беседую с тобой о нем потому, что это великая добродетель и мы более всего именно в ней нуждаемся. И добиваться ее нужно тем ревностнее и любить ее нужно с тем большим чувством, что Господь в каждом своем поступке так явно старался ее соблюсти.

⁶⁹ Bern., epist. XLII, n. 8–17 (LTR, 7, p. 107–114).

⁷⁰ Quousque siles? Quousque dissimulas? – Vulgata: *nonne dissimulavi nonne silui?* – букв. *Разве я не скрывался, разве я не молчал?* – Синодальный перевод: Нет мне мира, нет покоя.

⁷¹ Bern., Epiph. 1, 7 (LTR, 4, p. 299–300).

Глава XVII. О посте и об искушениях Христа и о возвращении Его к матери (Мф 4; Мк 1; Лк 4; Ин 1)

Приняв крещение, Господь Иисус не медля направился *в пустыню* (Мф 4, 1), на одну тамошнюю гору – она называется Кварентана – милях в четырех от Иордана. Там Он *постился сорок дней и сорок ночей* (Мф 4, 1) и, по выражению Марка, *был там со зверями* (Мк 1, 13).

Итак, сосредоточься и внимательно посмотри на Него: Он показывает тебе пример многих добродетелей. Он идет пешком в уединенное место, постится, молится и бодрствует; лежит и спит на голой земле и смиренно общается со зверями. Встань на Его место, почувствуй Ему: всегда и везде, но здесь особенно Его жизнь тяжела, как наказание, и мучительна для тела. Бери с Него пример и учись у Него в этом упражняться.

Для духовного упражнения нужны четыре вещи, которые чудесным образом поддерживают друг друга: уединение, пост, молитва и телесные неудобства. Это четыре средства достижения чистоты сердца. А такой чистоты мы должны желать более всего, ибо она некоторым образом объемлет собою все добродетели. Она предполагает любовь, смирение, терпение и прочие добрые качества, а также отсутствие всех пороков, потому что чистое сердце несовместимо ни с пороками, ни с недостатком добродетели. Вот почему в «Собеседованиях святых Отцов» сказано, что цель всего монашеского упражнения – обретение чистоты сердца⁷², ибо именно через нее человек удостоивается видеть Бога. Как говорит Господь в Евангелии: *«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* (Мф 5, 8). А Бернад говорит: кто светлее, тот к Богу ближе. Значит, достигнув высшей чистоты и светлой прозрачности, мы достигнем Бога.

Обрести чистоту помогает молитва – горячая, постоянная; о ней ты больше узнаешь от меня в дальнейшем. Но молитва на сытый желудок или с похмелья, когда тело обожравшееся, расслабленное, праздное, ничего не стоит. Нужен пост, нужно утеснение тела, но втайне: на глазах у всех это дело не даст никакой пользы – один вред. Поэтому нужно уединение, а еще потому, что в суете и шуме невозможно молиться как следует. Много видеть и много слышать значит набираться грязи и терять душевный покой, *ибо смерть входит в наши души через их окна* (Иер 9, 21). Ступай по примеру Господа в пустыню, то есть уединись, насколько можешь, отделись от общества других, побудь одна, если хочешь соединиться с Ним и увидеть Его, обретя чистое сердце. Беги от разговоров, в особенности от разговоров светских лиц. Не ищи новых привязанностей и новых дружб. Не наполняй глаза и уши ненужными впечатлениями. Как от ядовитой змеи, как от злейшего врага убегай от всего, что может нарушить душевный мир и спокойствие ума. Не зря святые Отцы убегали от человеческого общения в леса и отдаленные местности. Не зря они советовали тем, кто оставался в общежитиях-киновиях, быть слепыми, глухими и немыми. Чтобы тебе стало понятнее, послушай, что говорит на этот счет Бернад: *«Если Святой Дух разбудил тебя, и ты зашевелился и горишь желанием потрудиться, чтобы уневестить душу свою Богу, сиди уединенно и молчи, по слову Пророка, потому что ты поднялся над собою* (Плач 3, 28)⁷³, когда пожелал сочетаться с Господом ангелов. Разве нет? Разве *соединиться с Богом, сделаться с Ним единым духом* (1 Кор 6, 17) – это не выше тебя? Так что сиди один, как горлица: нечего тебе

⁷² Ioan. Cass., Collat., I, c. 7 (PL 49, 489).

⁷³ Seadeas solitarius, quoniam levasti te supra te. – Здесь расхождение с Синодальным переводом, ср.: *«Сидит уединенно и молчит, ибо Он наложил его (т. е. иго) на него».*

делать в толпе, нечего искать общества. Отныне ты забудь *народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей* (Пс 44, 11–12).

О святая душа, будь одинока, да соблюдешь себя для Того единого, Кого ты себе избрала – одного из всех. Беги общества, беги даже и домашних твоих, удались от друзей, оставь близких, отпусти и того, кто тебе прислуживает. Или не знаешь, что стыдлив Жених твой? Он ни за что не придет к тебе при других. Уйди, уединись – не телом, а умом; устремлением, любовью, духом. Ибо дух перед лицом твоим Христос Господь; Он ищет уединения духа твоего, а не тела. Хотя иногда не мешает уединиться и телом, когда это удобно; в особенности на время молитвы»⁷⁴. И ниже: «Ты один, если не думаешь о том, о чем все говорят; если не отдаешься чувствами тому, что тебя окружает; если презираешь то, что большинство ценит; если отвращаешься того, чего большинство жаждет; если не ввязываешься в ссоры, не чувствуешь оскорблений, *не помнишь обид* (2 Цар 19, 19). Иначе, будь ты даже телом один-одинешенек, ты не один. Сам посуди, можешь ты быть один среди многолюдства? Или быть в обществе, когда ты один? Нет; ты один настолько, насколько уклоняешься от общения. Поэтому остерегайся быть любопытным соглядатаем или наглым судьей чужой жизни и чужих разговоров»⁷⁵. Это был Бернард.

Видишь, как необходимо нам уединение? Телесного уединения недостаточно без умственного, но чтобы уединиться умом, нужно глубочайшее телесное одиночество, иначе ум растечется по внешним отвлекающим вещам и не сможет собраться для своего Жениха. Поэтому изо всех чувств, изо всех сил твоих попытайся уподобиться Господу Иисусу, Жениху твоему: в одиночестве, в молитве, в посте, в не выставляемых напоказ скорбях тела.

Обрати внимание, что Он общается со зверями. Учись у Него общаться с другими смиренно, спокойно выносить даже тех, кто, по-твоему, ведет себя порой неразумно.

Навещай Господа почаще в этом Его уединении. Понаблюдай за Ним, как Он там себя ведет, в особенности, как Он лежит по ночам на земле. Всякая верная душа должна навещать Его по меньшей мере один раз в день, особенно от Богоявления до окончания этих сорока дней, что Он оставался в пустыне.

Когда прошли сорок дней, Господь *встал*. Тогда *приступил к Нему искуситель*, желая испытать Его, правда ли Он Сын Божий. И искушал Его яствами, и сказал: «*Если Ты сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами*» (Мф 4, 3). Но не смог обмануть Учителя. Тот так отвечал и так себя держал, что и искушению чрева не поддавался, и враг не смог узнать, что хотел. Ибо Он и не отрицал, и не подтвердил, что Он – Сын Божий, но победил лукавого авторитетом Писания. Здесь заметь, какой пример подает тебе Господь в сопротивлении чреву, ибо именно с этого нужно начинать, если мы хотим одолеть наши пороки. Нет сомнения, что кто поддастся чревоугодию, тот окажется бессилён в борьбе с прочими пороками. Об этом говорит глосса к этому месту у Матфея: «Если с самого начала не обуздать чрево, напрасный труд бороться против других пороков»⁷⁶.

Потом *взял Его диавол* (Мф 4, 5) и отнес в Иерусалим, который находится оттуда на расстоянии восемнадцати миль, или около того. – Про эти расстояния, о которых я так часто тебе рассказываю в своей записочке, я слышал от людей, которые сами бывали в тех краях.

Здесь обрати внимание на доброту и терпение Господа: Он позволил этой кровожадной твари, которая жаждала Его крови и крови всех любящих Его, дотрагиваться до Себя, хватать Себя и тащить. – Так вот, дьявол *поставил Его на конек кровли храма* (Мф 4, 5) и искушал Его в тщеславии. Он хотел выпытать то же, что и в прошлый раз, но опять был побежден авторитетом Писания и остался ни с чем.

⁷⁴ Bern., Cant., serm. XL, n. 4 (LTR, 2, p. 26–27).

⁷⁵ Ibid., n. 5 (LTR, 2, p. 27).

⁷⁶ Gl. In Matth., 4, 2.

Тогда, пишет святой Бернард, поскольку Господь ничем не выказал своей божественности, враг решил, что Он человек, и на третий раз стал искушать Его как человека⁷⁷. Снова схватил он Его и отнес на высокую гору (Мф 4, 8) – недалеко от упомянутой горы Кварантены, в двух милях от нее – и там стал искушать Его на предмет алчности. Но и тут человекоубийца потерпел поражение.

Ты видишь, как хватали и искушали Господа Иисуса? Что ж нам удивляться, что и нас искушают? Сам Бог был в свое время подвергнут искушению. Поэтому Бернард говорит: «Кто не прочел о четырех искушениях Господа, тот не знает Писания, в котором сказано: *вся жизнь человека на земле – искушение* (Иов 7, 1)⁷⁸. И Апостол говорит, что *Он был, подобно нам, искушен во всем, кроме греха* (Евр 4, 15)»⁷⁹.

Итак, победа была одержана, и явились *ангелы, и служили Ему* (Мф 4, 11).

Здесь ты внимательно вникни в каждую мелочь. Посмотри: вот Господь, один в окружении ангелов, принимается за еду. И дальше следи хорошенько, потому что это – прекрасный и благочестивый предмет для размышления. Ангелы служили Ему, то есть подавали еду. Я спрашиваю: что именно они Ему подавали после такого долгого поста? Писание об этом не говорит. Значит, мы с тобой можем вообразить себе этот торжественный завтрак после победы, как хотим. Если мы примем во внимание Его всемогущество, то ответ на вопрос у нас готов: Он мог сотворить и велеть подать Себе на завтрак что угодно, по Своему свободному усмотрению. Однако мы нигде не находим, чтобы Он пользовался Своим могуществом для Себя или Своих учеников. Для народных толп – да, Он делал это дважды, накормив немногими хлебами великое множество народу (Мф 14, 15–21; Мф 15, 32–37). Но об учениках мы читаем, что когда они *взлкали*, то, идя полем, *начали срывать колосья и есть* – в Его присутствии (Мф 12, 1). И о Нем самом – как Он, устав от долгого пути, сидел у колодца и беседовал с самаритянкой; здесь не сказано, что Он сотворил пищу, а сказано, что Он послал учеников в город купить какой-нибудь еды (Ин 4, 6–8). Маловероятно, что и в этот раз Он сотворил чудо. Чудеса Он творил для других, для утверждения людей в вере, и при стечении народа. Но здесь с Ним были только ангелы. Что же нам вообразить себе в уме для нашего размышления? В тех местах не было человеческих поселений, не было готовой пищи. Значит, ангелы принесли Ему готовую еду откуда-то издалека. Такое случалось, например, с Даниилом. Когда пророк Аввакум сварил похлебку для своих жнецов, ангел Господень схватил его за волосы и перенес из Иудеи в Вавилон к Даниилу, чтобы накормить его, а потом в мгновение ока доставил его назад (Дан 14, 33–39). Предположим, что так же было и тут.

Итак, помедлим здесь, насладимся вместе с Господом Его победным завтраком, и пусть Его превосходнейшая мать тоже узнает о Его победе и Его наслаждении. Такое наше размышление будет и благочестиво и правильно. Вот, сатана обращен в бегство, являются ангелы, собираются в великом множестве к Господу Иисусу Христу, *кланяются Ему до земли* (Быт 24, 52) и говорят: «Здравствуй, Господи Иисусе, Бог и Господь наш». А Господь смиренно и милостиво принимает их, кивает им и думает о том, что Он – маленький человек и меньше ангелов (Пс 8, 6). Ангелы Ему говорят: «Господи, Ты много постился, давай мы Тебе что-нибудь приготовим. Чего бы Ты хотел?» А Он им отвечает: «Идите к Моей возлюбленной матери и принесите, что у нее есть под рукой. Потому что ее еда для Меня вкуснее всего». Тогда два ангела отправились и в тот же миг были у нее. Почтительно поздоровавшись, они излагают, зачем присланы, и получают скромную похлебку, которую она приготовила для себя и Иосифа, хлеб, завернутый в платок, и прочее нужное для трапезы. Может быть, Гос-

⁷⁷ Bern., Pasc., 1, 2 (LTR, 5, p. 88).

⁷⁸ Синодальный текст: «*Не определено ли человеку время на земле, и дни его не те же ли, что дни наемника?*»

⁷⁹ Bern., In Psal. Qui habitat, serm. XIV, n. 4 (LTR, 4, p. 471).

пожа раздобыла впридачу несколько рыбок, если смогла. Вернувшись назад, ангелы кладут все на голую землю и торжественно благословляют трапезу.

Тут ты хорошенько посмотри, как Он себя ведет – обрати внимание на каждую мелочь в отдельности. Он сидит на голой земле, но осанка Его пряма и благородна, и неторопливо ест. Вокруг Него ангелы прислуживают своему Господу. Один подает хлеб, другой вино, остальные поют песни Сиона и ликуют пред ликом Его. Но этот праздник, если можно так сказать, смешан с превеликим состраданием, от которого и нам с тобой впору заплакать. Почтительно глядя на Него, они видят Бога и Господа своего и Творца вселенной, Который *дает пищу всякой плоти* (Пс 135, 25), униженным, нуждающимся в поддержке телесной пищей, жующим хлеб словно обычный человек из народа, – и сострадание охватывает их. Возопи и ты и воскликни: «О Господи, сколько Ты сделал для меня! Все дела Твои поразительны. Помоги мне, чтобы и я претерпела что-нибудь ради Тебя, ведь Ты столько вынес ради меня!» Поистине, одной картины этой трапезы должно было бы хватить, чтобы возжечь в тебе пламенную любовь к Нему.

Наконец, подкрепившись, Он велит ангелам унести посуду и сказать матери, что Он вскоре возвратится к ней. Когда они вернулись, Он говорит им всем: «Вы возвращайтесь к Отцу и к подлинным радостям, а Мне пока еще надлежит странствовать на чужбине. Прошу вас, передайте мои приветствия Отцу и всей небесной курии».

Ангелы пали на землю (Быт 24, 52) и просили благословить их; получив благословение, они вернулись на родину. Там они исполнили Его поручение и рассказали всей небесной курии новости о Его победе. А Господь Иисус собрался возвращаться к матери и стал спускаться с горы.

Сейчас посмотри на Него хорошенько: вот шагает Господь всяческих, совсем один, босиком – почувствуй Ему изо всех сил, почувствуй то же, что и Он. Вот Он подходит к Иордану. Иоанн, завидев идущего к нему Иисуса, показывает на Него пальцем и говорит: «*Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грехи мира* (Ин 1, 29). Я видел, как на Нем пребывал Дух Святой, когда я крестил Его». И на другой день, когда Иисус прогуливался по берегу Иордана, Иоанн увидел Его и вновь сказал: «*Вот Агнец Божий*». Тогда Андрей и еще один из учеников Иоанна пошли за Иисусом. А милостивый Господь жаждал их спасения и, чтобы завоевать их доверие, обернулся к ним и сказал: «*Что вам надобно?*» А они говорят: «*Равви, где ты живешь?*» И Он повел их к дому, в котором остановился в тех местах, и они провели там с Ним целый день (Ин 1, 39). Потом Андрей привел к Иисусу брата своего Петра. Господь принял его с радостью, ибо знал, что сделает из него в будущем. И сказал ему: «*Ты наречешься Кифа, что значит «камень»* (Ин 1, 42). Так свел Он с ними знакомство и достаточно сблизился.

Затем, желая вернуться в Галилею к матери, Господь Иисус ушел из тех мест и пустился в обратный путь. Ты теперь посмотри на Него сочувственно и пройди вместе с ним весь путь. Вот Он идет, как обычно, в одиночестве, босой, по такой длинной каменистой дороге четырнадцать миль.

Когда Он добрался до дому, мать, увидев Его, несказанно обрадовалась. Вот она встает, выбегает ему навстречу и крепко обнимает Его. Вот сам Он почтительно кланяется ей и кормильцу Своему Иосифу, и остается с ними жить, как обычно.

Глава XVIII. О том, как Он открыл книгу в синагоге (Лк 4)

До сих пор, милостью Божией, мы касались жизни Господа Христа по порядку, не пропуская почти ничего из того, что с Ним случилось или сам Он сделал. Но дальше я собираюсь поступить по-другому. Потому что приводить тебе отдельное размышление обо всем, что Он сказал и сделал, было бы слишком долго, тем более, что, по обычаю блаженной Цецилии, мы должны, постоянно и ревностно размышляя о делах Христа, хранить наши размышления в тайне нашего сердца. Итак, выберем из Его деяний несколько, и о них станем прилежно размышлять, и так вплоть до Страстей Христовых: там уже ничего не следует пропускать.

Среди всех Его дел и слов есть такие, которые нам никак нельзя упустить; о них мы поразмышляем в свое время в своем месте. Однако я впредь не намерен трактовать каждое размышление подробно, разве что изредка. Тебе теперь хватит общего указания: всякий Его поступок и всякое слово помести перед своим умственным взором; побеседуй с Ним об этом; постарайся стать для Него своей, близкой и домашней. Самое большое наслаждение, и самое прочное благочестие, и, собственно, весь плод этих размышлений состоит в том, чтобы всегда и везде неотрывно смотреть на Него с благоговением, наблюдая за каждым Его действием: когда Он общается с учениками и когда говорит с грешниками, когда проповедует перед народом, когда идет и когда сидит, когда спит и когда бодрствует, когда ест и когда прислуживает другим за столом, когда исцеляет больных и когда совершает иные чудеса. Во всех этих случаях смотри на него внимательно, следи за каждым Его жестом и в особенности не спускай глаз с Его лика, если только сможешь вообразить его – ибо мне это кажется труднее всего. Будь внимательна, не пропусти момента, если Сам Он вдруг милостиво взглянет на тебя. Вот тебе наставление; применяй его впредь и возвращайся назад, чтобы поразмыслить подробнее обо всем, что я, может быть пропущу. Я стану рассказывать кратко, где-то сокращая размышления, где-то пропуская Его деяния, а ты потом возвращайся назад к этим местам, и довольно тебе.

Итак, приступим к дальнейшему повествованию.

После того как Господь Иисус вернулся с крещения, Он, Учитель смирения, повел свою жизнь так же смиренно, как и прежде. Однако то здесь, то там он проявлял Себя: кого-то наставлял, кому-то проповедовал, впрочем, не публично⁸⁰. Ибо нигде не говорится, чтобы на протяжении следующего года Он открыто взялся за дело проповеди. От Его крещения до чуда на свадьбе в Кане прошел ровно год – день в день. Иногда Он где-то проповедовал, а ученики Его крестили, но ни сам Он, ни Его люди не начинали регулярной проповеди до заточения Иоанна в тюрьму, как они сделали это после. Тем самым Он дает нам еще один пример поразительного смирения. Как мы можем благочестиво заключить, Он смиренно уступал место проповедника Иоанну, неизмеримо низшему Себя. Итак, Он приступил к делу проповеди не с шумом и помпой, а смиренно и потихоньку.

Однажды *в день субботний Он вошел в синагогу* вместе с прочими прихожанами еврейской церкви *и встал читать* из книги Исаяи (Лк 4, 16). И прочел место, где было написано: *«Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня и послал Меня благовествовать нищим»* (Ис 61, 1–2). И, *закрыв книгу*, сказал: *«Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами»* (Лк 4, 20).

Посмотри на него: как смиренно Он берется исполнять обязанности чтеца, как читает им вслух с добрым и спокойным выражением на лице, как излагает Писание и как смиренно

⁸⁰ Petr. Com. Historia scholastica, 37 (PL 198, 1558).

начинает заявлять о Себе: «*Ныне исполнилось писание сие*» (Лк 4, 21), то есть Я есмь Тот, о Ком здесь сказано. *И глаза всех в синагоге были устремлены на Него* (Лк 4, 20) – так сильно действовали Его слова, так прекрасен был Его смиренный облик. Он и вправду был прекрасней всех, Он был и красноречивей всех. О том и о другом было сказано у Пророка: «*Ты прекраснее сынов человеческих; благодать излилась из уст Твоих*» (Пс 44, 3).

Глава XIX. О призвании учеников (Ин 1; Лк 5; Мф 4; Мк 1)

И начал Господь Иисус призывать учеников и заботиться о нашем спасении, всегда сохраняя прежнее Свое смирение. И призвал Петра и Андрея, в три приема: сперва, как мы рассказывали выше, Он познакомился с ними, когда был на Иордане. Потом он позвал их с лодки, когда они ловили рыбу – об этом рассказывает Лука (Лк 5, 2 и далее). В тот раз они пошли с Ним, собираясь вскоре вернуться к своим занятиям; но начали слушать Его поучения. В третий раз – об этом рассказывает Матфей – Он нашел их на лодке и сказал: *«Идите за Мною и Я сделаю вас ловцами человеков»*. И они тотчас, оставивши сети, последовали за Ним (Мф 4, 19 и далее). Подобным же образом Он призвал Иакова и Иоанна, в два приема; об этом рассказано в тех же двух местах, что и об Андрее с Петром. Иероним говорит, что Иоанна Он призвал со свадебного пира⁸¹; однако в тексте Евангелия ничего об этом нет. Еще Он призвал Филиппа, сказав ему: *«Иди за Мной»* (Ин 1, 43), и Матфея мытаря (Мф 9, 9). Как были призваны остальные, в Писании не сказано.

А ты поразмысли и посмотри, как Он ведет себя, призывая их, и как с ними беседует. Погляди, как ласково Он их зовет, как держит себя с ними просто, по-домашнему, как Он доступен и услужлив, как привлекает их внутренне и внешне: ведет домой к Своей матери, запросто приходит домой к ним. Он учит их и наставляет и заботится о них так, как только мать может заботиться о единственном сыне. Говорят, святой Петр рассказывал: когда они вместе где-нибудь ночевали, Он вставал ночью посмотреть, не раскрылся ли кто из них во сне и накрывал их одеялом с нежнейшей любовью. Ибо он знал, что сделает из них. И хоть были они люди грубой жизни и низкого рождения, Он намеревался поставить их во главе всего мира, полководцами в духовной войне всех верных. Встань на место Бога, посмотри, с кого началась Церковь⁸². Господь не захотел избрать мудрых и могущественных века сего, дабы деяния, которым надлежало совершиться, не были приписаны им самим; Он оставил это себе, и в Своей благости, могуществе и мудрости искупил нас.

⁸¹ Hieronym., Praef. In Ioan. 1, 4 (NT Latine, ed. Wordsworth and White, Oxford, 1895, p. 485).

⁸² Petr. Com. Historia scholastica, 45 (PL 198, 1562).

Глава XX. О чуде претворения воды в вино, совершенном на брачном пире (Ин 2)

В точности неизвестно, чья была свадьба в Кане Галилейской; этого вопроса касается учитель в «Схоластической истории»⁸³. Однако мы с тобой станем размышлять так, что это была свадьба Иоанна Евангелиста, как утверждает Иероним в Предисловии к комментарию на Евангелие от Иоанна⁸⁴.

На свадьбе была наша Госпожа, но была она там не как по сторонняя приглашенная, а как старшая сестра, как первая по рангу и достоинству, в доме сестры своей как в своем собственном доме, как хозяйка брачного пира; такой вывод мы можем сделать из трех указаний. Во-первых, в Евангелии сказано, что мать Иисуса была там, а об Иисусе и Его учениках – что они были приглашены туда; то же следует понимать и обо всех остальных бывших там гостях. Когда сестра Госпожи, Мария Саломея, жена Зеведеева была у нее в Назарете, который отстоит от Каны на четыре мили или около того, она рассказала, что хочет устроить свадьбу своего сына, и Госпожа отправилась в Кану вместе с ней и пришла туда на несколько дней раньше, чтобы все приготовить, так что когда явились приглашенные гости, она уже была там. Во-вторых, об этом мы можем заключить из того, что она сама обратила внимание на недостаток вина. Значит, она не была одной из возлежащих гостей, но была распорядительницей пира, и потому увидела, что ей не хватит для всех вина. Ибо, если бы она тогда возлежала среди пирующих, разве поднялась бы почтительная мать со своего места рядом с Сыном среди мужчин? А если бы она была в другом месте, среди прочих женщин, разве заметила бы она нехватку вина раньше, чем любая другая? А если бы и заметила, разве встала бы из-за стола, где трапезничали женщины, и пошла бы к Сыну? Это очевидно несообразно. Поэтому наиболее вероятно, что она не возлежала с остальными. К тому же о ней говорится, что она была чрезвычайно услужлива. В-третьих, она сама велела слугам пойти к Сыну и выполнить ее поручение; из чего видно, что она там распоряжалась и управляла свадьбой. Именно поэтому она так встревожилась, что вина не хватит.

Итак, теперь посмотри: вот Господь Иисус ест вместе со всеми, как обычный человек из народа, и сидит Он на месте низком, не там, где большие люди – это мы можем понять из хода самого рассказа. Ибо Он не желал, по примеру гордых, возлежать за обедом на почетном месте, ведь Он собирался учить: *«Когда зван будешь на свадебный пир, ложись на последнее место»* (Лк 14, 10), а Он начал прежде *делать*, а потом – *учить* (Деян 1, 1).

Посмотри и на Госпожу – услужливую, деятельную, озабоченную, как бы успеть все сделать, и все успевающую, показывающую слугам, что и как подать возлежащим. И вот, когда пир уже близится к концу, возвращаются к ней слуги и говорят: *«У нас нет больше вина, чтобы подать гостям»*. А она отвечает: *«Я позабочусь, чтобы у вас было вино. Подождите немножко»*. И выходит к Сыну – а Он, как я уже сказал, сидел в конце стола, возле двери в комнату – и говорит Ему: *«Сынок, у нас здесь вина не хватает, а сестра наша бедная, и я не знаю, как нам быть»*. А Он отвечает: *«Что Мне и тебе, Жено?»* (Ин 2, 4). Жестокий ответ. Однако Он отвечал так ради нашего наставления, как объясняет Бернард в шестой беседе на Богоявление:

«Что Тебе, что ей, Господи? – Но разве она не мать, разве Ты не Сын? Ты спрашиваешь, что ей за дело до того, что Ты благословенный плод чрева ее (Лк 1, 42) непорочного? Но разве не она зачала Тебя, не нарушив стыда, разве не родила Тебя, не осквернив девства?»

⁸³ Petr. Com. Historia Scholastica, 38 (PL 198, c. 1559).

⁸⁴ Hieronym., Praef. In Ioan. 1, 4.

Разве не в ее чреве Ты оставался девять месяцев? Разве не ее девичьи сосцы тебя вскормили? Разве не от нее Ты сбежал в двенадцать лет в Иерусалиме и не к ней вернулся? А теперь, Господи, что Ты сердишься на нее, что говоришь ей: какое тебе дело до Меня? – Важное, с какой стороны ни посмотреть. Однако я уже вижу совершенно ясно, что Ты не сердишься и не хотел смутить нежную почитательность Твоей матери-девы, когда сказал: «*Что Мне и тебе?*» Ведь просьбу ее Ты исполнил без промедления – когда по ее наставлению подошли к тебе слуги, Ты тотчас сделал то, что мать велела им у Тебя просить. Но зачем, братия, зачем Он так грубо отвечал ей вначале? – Исключительно ради нас, чтобы мы, обратившись к Господу, уже не тревожились о плотских наших родителях, чтобы мирские заботы и нужды не мешали духовному упражнению. Ибо пока мы от мира, мы, как известно, должники наших родителей. Но после того, как мы покинули самих себя и оставили все заботы о себе, мы тем более свободны от заботы о родственниках. Мы читаем о некоем брате, подвизавшемся в пустыне: когда пришел к нему его плотский брат просить помощи, он отослал его к другому их брату, потому что сам он, дескать, уже умер. Пришедший брат удивился и сказал, что тот третий их брат умер и помочь не может; на что пустынный отвечал, что он умер тоже⁸⁵. – Итак, Господь преподал нам самый лучший урок, чтобы мы не беспокоились о наших родных по плоти больше, чем того требует религия, когда сам Он своей Матери – и такой матери! – ответил: «*Что Мне до тебя, женщина?*» Точно так же и в другой раз, когда Ему сказали, что мать Его и братья стоят у дверей, желая поговорить с Ним, Он сказал в ответ: «*Кто мать Моя и кто братья Мои?*» (Мф 12, 48). – Где теперь те, кто так плотски и суетно заботились о плотских родных своих, словно предстоит им жить вместе вечно и забота их не окажется напрасной?»⁸⁶ Вот что пишет Бернард.

Итак, мать, нисколько не разочарованная подобным ответом, но твердо уповающая на милость Его, возвратилась к слугам и сказала: «*Ступайте к Сыну моему и сделайте, что Он вам скажет*» (Ин 2, 5). Они пошли и наполнили кувшины водой, как велел им Господь. Сделали, и Он сказал им: «*Теперь почерпните и несите к распорядителю пира*» (Ин 2, 8). Тут ты прежде всего обрати внимание, как незаметно действует Господь и как скромно. Во-первых, он отсылает слуг к более почтенному мужу. Во-вторых, когда Он говорит: «*Несите*», – Он посылает их к сидящему далеко; значит, сам Он сидел не близко. Но распорядитель пира сидит на самом почетном месте, следовательно, Господь не захотел сесть на почетном месте рядом с ним, а смиренно выбрал Себе место низкое. И вот слуги налили вина распорядителю и прочим, и при этом, конечно, всем рассказали о чуде, ибо знали, как оно совершилось; и уверовали в Него ученики Его. А когда пир закончился, Господь Иисус отозвал в сторону Иоанна и говорит: «*Отпусти эту жену твою и следуй за Мной: Я поведу тебя к браку более высокому*». И тот последовал за Ним (Мф 4, 20).

Итак, Господь присутствовал на свадьбе; тем самым Он одобрил плотский брак как Божье установление. Однако Господь отозвал Иоанна со свадебного пира и откровенно дал ему понять, что духовный брак намного достойнее брака плотского⁸⁷.

И ушел оттуда Господь Иисус с намерением отныне прилюдно и открыто совершать дело спасения людей. Но прежде Он хотел проводить мать домой. И впрямь: подобной Госпоже подобало подобное сопровождение. И вот вместе с ней, Иоанном и прочими учениками пошли они в Капернаум, недалеко от Назарета, а оттуда, через несколько дней, в Назарет. Погляди на них, как они шагают по дороге парами. Вот смиренно идут мать и Сын, пешком, но с какой любовью друг к другу. О, что за пара! Никогда на земле такой не видано. Погляди и на учеников: они почитательно следуют за ними, прислушиваясь к словам Господа, ибо Он

⁸⁵ Ioan. Cass., Collat., 24, 9 (CSEL 13, 683).

⁸⁶ Bern. in Dom. 1 (LTR4, pp.322-323).

⁸⁷ Petr. Com. Historia Scholastica, 38 (PL 198, c. 1559).

не бывает празден, но всегда и везде делает или говорит что-то доброе. С таким спутником и самый долгий путь не мог наскучить идущим.

Глава XXI. О Нагорной проповеди Господа (Мф 5)

Созвал Господь Иисус учеников своих и увел их с собой от многолюдства и поднялся с ними на гору Фавор близ Назарета, в двух милях от города, дабы напитать их своим красноречием⁸⁸. В самом деле, подобало научить их прежде прочих, ибо Он намеревался поставить их над прочими учителями и вождями. Там учил Он их многому, и речь Его была великолепна и весьма содержательна, что не удивительно: ведь Господни уста составляли ту речь. Учил Он их о блаженствах, о молитве, о посте, о милостыне и о многом другом касаясь добродетелей: все это ты можешь найти в Евангелии (см. Мф 5, 6 и 7). Прочти внимательно, перечитывай почаще и выучи на память, ибо это вещи наидуховнейшие. Я же сейчас не стану это разбирать – получилось бы слишком долго; кроме того, такие проповеди не очень хорошо подходят для размышлений. Впрочем, ради твоего наставления я иногда буду вставлять подобные вещи, когда это мне покажется уместным, а также моральные рассуждения и авторитетные мнения святых.

⁸⁸ Petr. Com. Historia Scholastica, 48 (PL 198, c. 1564).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.